

Значение производства и незаконного оборота наркотиков как одной из политэкономических составляющих афганского конфликта переоценить так же трудно, как и масштаб наркоугрозы, которую экспорт афганских опиатов представляет для национальной безопасности транзитных государств — прежде всего непосредственных соседей Афганистана, в том числе центральноазиатских государств — и основных стран—потребителей наркотиков (как уже отмечалось, Россия подпадает под обе категории, являясь одновременно крупной транзитной страной для переправки афганских опиатов в Европу и их растущим потребителем). Достаточно сказать, что к началу XXI в. более $\frac{2}{3}$ мирового потребления опия и его производных, включая героин (т. е. более 10 млн наркоманов) обеспечивалось за счет опиатов афганского происхождения¹. Важную роль в переходе к расширенному наркопроизводству в Афганистане в последние десятилетия XX в. сыграл вооруженный конфликт и связанная с ним «экономика войны».

В отличие от Индии, Ирана и ряда других азиатских стран, опий не был традиционной для Афганистана культурой: даже в Бадахшане, где опийный мак в ограниченных масштабах стал выращиваться раньше, чем в других районах страны, он возделывался лишь с XVIII в.² Если на протяжении большей части XX в. производство опия в Афганистане росло крайне медленными темпами, то за последнюю четверть века оно сделало гигантский

---

¹ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. Резюме доклада Управления по наркотикам и преступности ООН и Управления по борьбе с наркотиками Правительства Афганистана. — М.: УНП ООН, окт. 2003. — С. 4.

² The Opium Economy in Afghanistan: An International Problem. UN Office on Drugs and Crime (UNODC) Report. UN Pub. No. E.03.XI.6. — N.Y.: United Nations, 2003. — P. 87.

скачок, в результате которого Афганистан стал крупнейшим производителем опиатов в мире.

Конечно, помимо вооруженного противостояния, существовали и другие предпосылки к росту наркопроизводства в Афганистане, в том числе наметившиеся еще до начала внутреннего конфликта в конце 1970-х гг. и последующей советской интервенции. Такой предпосылкой стало, например, постепенное ограничение или прекращение в 1970-е гг. производства наркотиков двумя крупнейшими на тот период поставщиками опиатов в регионе — Турцией и Ираном. Ужесточение позиции этих государств в отношении производства и торговли наркотиками при сохранении и росте мирового спроса на опиаты вывело Афганистан в число проблемных стран, которые могли бы восполнить потребности теневого рынка в опиоиде и его производных.

В этих условиях вооруженный конфликт и его социально-политические и экономические последствия, в том числе в региональном масштабе, стали мощным стимулом к переходу на расширенное производство опиоидов в Афганистане. Историю взаимосвязи и взаимовлияния вооруженного конфликта и наркобизнеса в Афганистане можно условно подразделить на три этапа: *период с начала гражданской войны в Афганистане в конце 1970-х гг. до середины 1990-х гг.*, включая так называемый советский период (1979–1989 гг.) и последующую междоусобицу, или «моджахедский период» (первая половина 1990-х гг.); *период правления движения Талибан* (середина 1990-х гг. — 2001 г.) и, наконец, *постталибский период* (с конца 2001 г.).

§ 1. Рост производства и торговли наркотиками в Афганистане в 1980-е — первой половине 1990-х гг.

Рассмотрим подробнее причины перехода к расширенному производству опиоидов в Афганистане в 1980-е — начале 1990-х гг. При этом следует подчеркнуть, что фундаментальные особенности социальной, политической, экономической, этнической истории Афганистана (включая природно-географические условия, размытость границ, традиционную слабость государства и т. д.) стали лишь фоном для более конкретных, в том числе субъективных, факторов и условий, непосредственно приведших к росту наркопроизводства и наркоторговли в этот период.

Переход на расширенное наркопроизводство в Афганистане невозможно объяснить лишь сочетанием природно-климатических условий этой страны с экономической конъюнктурой мировых теневых рынков и ростом спроса на наркотики, стимулировавшим рост предложения и потребности в нар-

косырье, — такие условия были характерны и для ряда других стран, которые, однако, не стали мировыми центрами наркопроизводства. Вряд ли можно считать наркобум последних десятилетий XX в. и лишь производным от традиционной слабости центральной государственной власти в Афганистане и долгосрочных исторических, географических и иных факторов, препятствующих консолидации афганского государства³. История кланово-племенной и феодальной раздробленности на территориях, входящих в состав современного Афганистана, насчитывает не одну сотню лет. Лишь к середине XVIII в. три крупных региона, различающихся в географическом, культурном, языковом и этническом плане (хазарейский центр, тесно связанный с Ираном, северные районы, в этнокультурном и языковом плане являющиеся частью Центральной Азии, и южные и восточные районы, населенные пуштунами и белуджами и в значительной мере ориентированные на Пакистан) были номинально объединены в рамках одного государства. Эти базовые региональные различия усугублялись этноплеменным многообразием внутри каждого из трех регионов и в приграничных зонах, а также условным характером границ с соседними странами, по обе стороны которых, как правило, проживали представители одной и той же этнической группы. Например, пуштуны и белуджи по обе стороны от афганско-пакистанской границы — т. н. «линии Дюрана», установленной Британской колониальной империей в 1893 г. в качестве границы между Британской Индией и Афганистаном и потерявшей для Афганистана легитимность после ухода британцев в 1947 г., — фактически не признавали эту границу. Многие пуштунские племена в самом Афганистане лишь номинально признавали центральную афганскую власть и установленные ею законы и налоги. Государственный контроль был особенно слаб или практически отсутствовал в горных районах, прежде всего на востоке страны.

Однако, несмотря на такой высокий уровень раздробленности, слабость центральной власти и условность внешних границ, до последней четверти XX в. наркопроизводство в Афганистане было минимальным. Переход к расширенному наркопроизводству в Афганистане начался в условиях развернувшейся с конца 1970-х гг. гражданской войны в этой стране, которая вылилась в противодействие режиму Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), а впоследствии и советским войскам, активно поддержанное внешними силами. Хотя приход к власти НДПА и последующая внешняя интервенция не привели к коллапсу государственной власти, ее функции постепенно размывались по мере активизации вооруженного со-

---

³ Эта точка зрения, в частности, прослеживается в ряде исследований ООН по проблеме наркотиков в Афганистане (см., например, *The Opium Economy in Afghanistan*. — P. 82).

противления со стороны разнородных сил исламской оппозиции и утери центральным режимом контроля над сельскими районами страны. Еще более значительный рост наркопроизводства пришелся на последовавший за выводом советских войск и падением кабульского режима период полного распада афганского государства, междоусобных столкновений и сопутствовавших им кризисных явлений в политической и социально-экономической сфере, в том числе сформировавшейся на этой основе «экономики войны». Рассмотрим подробнее взаимосвязь вооруженного конфликта, вышедшего за рамки традиционной для Афганистана кланово-племенной междоусобицы и последовательно принимавшего форму сопротивления режиму НДПА и советским войскам в 1980-е гг., полномасштабной гражданской войны в начале 1990-х гг. и более структурированного конфликта между талибами и оппозиционными им силами во второй половине 1990-х гг., и роста опийного производства.

Экономические последствия вооруженного конфликта

На протяжении 1970-х гг. производство опия в Афганистане постепенно росло, колеблясь в пределах от 90 т до 270 т в год, что было сопоставимо с объемами производства опия в соседнем Пакистане⁴. Начало расширенного производства опия в Афганистане совпало с разгаром вооруженного сопротивления центральному правительству Народно-демократической партии Афганистана в Кабуле, пришедшей к власти в апреле 1978 г. в результате национально-демократической революции, и ограниченному контингенту советских войск, введенному в страну после сентябрьского внутривластного переворота 1979 г.⁵ Рассмотрим подробнее влияние вооруженного конфликта на экономику страны.

Следует отметить, что в западной литературе отчетливо прослеживается стремление списать чуть ли не все кризисные явления в социально-экономической сфере в Афганистане 1980-х гг. на советское вмешательство и подчеркнуть его разрушительные последствия для экономики страны⁶. В этой связи, во-первых, следует отметить, что зависимость центрального

---

⁴ Chouvy P.-A. Golden Crescent // Encyclopedia of Modern Asia / Ed. by D. Levinson, K. Christensen. — Chicago: Scribners, 2002. — P. 441.

⁵ Ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск начался 25 декабря 1979 г.

⁶ См., например, Amstutz J.B. Afghanistan: The First Five Years of Soviet Occupation. — Wash. D.C.: National Defense Univ. Press, 1986; Karp C. Afghanistan: Eight Years of Soviet Occupation. — Wash. D.C.: U.S. Dept. of State, Bureau of Public Affairs, Office of Public Communication, 1987.

правительства Афганистана от иностранной помощи наметилась гораздо раньше прямого вмешательства СССР во внутренние дела этой страны. Еще в 1960-е гг. от 40% до 50% афганского бюджета формировалось за счет иностранной, преимущественно советской, помощи, а нехватка в стране зерна на протяжении 1960-х и 1970-х гг. частично восполнялась ежегодными поставками из СССР (до 250 тыс. т⁷). Во-вторых, влияние советской финансовой и военной помощи Афганистану, объемы которой в 1980-е гг. значительно возросли, на экономику страны было далеко не однозначным. Советская помощь не только продолжала, наряду с доходами от экспорта природного газа, оставаться одним из основных ресурсов легальной экономики и источников финансирования центрального правительства Афганистана, но и несла в себе мощный заряд модернизации. Экономическая помощь Афганистану со стороны СССР была нацелена на индустриализацию страны и включала масштабное строительство объектов промышленности и инфраструктуры. Резко расширились и объемы добычи и экспорта природного газа, доля которого в национальном доходе возросла с 9% до 34%⁸. В условиях ускоренной урбанизации формировалась так называемая «городская экономика».

В то же время все большая зависимость растущего городского населения от государственной поддержки, а правительства и исламской оппозиции — от внешних финансовых вливаний и поставок оружия из-за рубежа — способствовали быстрой монетизации экономики, росту денежной массы (с 1,7 млрд афгани в 1978 г. до 71,4 млрд в 1987 г.) и обесцениванию денег⁹, что, в свою очередь, стимулировало переход к тем видам экономической деятельности, которые могли быстро приносить денежный доход. Эти процессы развивались на фоне обостряющегося *кризиса сельского хозяйства*, углублению которого способствовала как аграрная политика режима НДПА, так и деятельность лидеров вооруженной оппозиции и последствия разраставшегося вооруженного противостояния.

В конце 1970-х гг. в сельской местности проживало до 85% населения Афганистана. В стране преобладало крестьянское землевладение: на рубеже 1970 — 1980-х гг. в собственности 1,146 млн крестьянских хозяйств находилось более 3 млн га земли (т. е. 68% всех обрабатываемых земель), в то вре-

⁷ Афганистан: справочник. — М.: Ин-т востоковед. РАН, 2000. — С. 139.

⁸ Pain A., Goodhand J. Afghanistan: Current Employment and Socio-Economic Situation and Prospects. — Geneva, Recovery & Reconstruction Dep., International Labor Organization (ILO), 2002. — P. 12.

⁹ Dorronsoro G. Afghanistan: des réseaux de solidarité aux espaces régionaux // Economie des guerres civiles. — P. 184; см. также Rubin B.R. The Political Economy of War and Peace in Afghanistan // World Development. — 2000. — V. 28. — № 10. — P. 1791–1792.

мя как 54 тыс. средних и крупных землевладельцев владели около 1,4 млн га (или 32% обрабатываемых земель), как правило, сдавая свои земли в аренду крестьянам¹⁰. В отсталой крестьянской стране серия радикальных декретов НДПА в области аграрных и социальных отношений — декрет № 6 (июль 1978 г.) о сокращении задолженности безземельных и малоземельных крестьян, декрет № 7 (октябрь 1978 г.), предусматривавший реформирование традиционных семейно-брачных отношений, включая отмену калыма, декрет № 8 (ноябрь 1978 г.), нацеленный на ликвидацию крупного помещичьего землевладения, и т. д. — не получила широкой поддержки сельского населения. Репрессии против религиозных деятелей в стране, где ислам был образом жизни, не прибавил авторитета новой власти. И то, и другое было в полной мере использовано силами исламской оппозиции, сделавшей ставку на крестьянство как на свою основную массовую базу.

Традиционно слабый контроль центрального правительства над ситуацией в регионах, особенно над сельскими районами, был еще более ослаблен начавшимся вооруженным сопротивлением правящему режиму и советским войскам. Деграция традиционного сельскохозяйственного производства и депопуляция сельских районов были напрямую связаны с последствиями вооруженного конфликта: за десять лет — с 1979 по 1989 г. — более половины деревень подверглось обстрелам с земли и воздуха, 9% населения погибло, а треть покинуло страну. В сельской местности было уничтожено 70% поголовья скота, разрушено от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ ирригационных систем и заброшено около трети всех хозяйств. Неудивительно, что, по сравнению с концом 1970-х гг., производство продуктов питания к началу 1990-х гг. упало почти наполовину, а в отдельных районах — на две трети. В 1991 г. общий урожай сельскохозяйственных культур составил лишь 45% от уровня 1978 г., а по ряду культур — и того меньше¹¹. Сельскохозяйственное производство фактически свелось к натуральному хозяйству, с трудом обеспечивавшему минимальный уровень проживания для крестьян. Для нужд же городского населения СССР на протяжении 1980-х гг. был вынужден ежегодно поставлять в Афганистан около полумиллиона тонн зерна¹². Кризис сельскохозяйственного производства, разруха и военные действия способствовали оттоку населения из сельской местности в города. Городское население росло ускоренными темпами: за двенадцать лет с начала конфликта население Кабула и Мазари-Шарифа удвоилось, составив, соответственно, 1,5 млн и полмиллиона человек; население же Герата к нача-

¹⁰ Афганистан: справочник. — С. 142.

¹¹ Там же. — С. 139.

¹² The Opium Economy in Afghanistan. — P. 90.

лу 1990-х гг. выросло даже более чем в два раза — со 150 тыс. до 350 тыс. человек¹³.

Упадок традиционного сельскохозяйственного производства стимулировал поиск населением новых экономических способов выживания в условиях вооруженного противостояния. Парадоксальным образом, потребности и последствия вооруженного конфликта, способствовавшие упадку ряда традиционных отраслей экономики, привели к модернизации и ускоренному развитию некоторых ее секторов — прежде всего торговли, особенно контрабандной, а также отдельных отраслей сельскохозяйственного производства, включая выращивание как легальных (рис), так и нелегальных культур (опийный мак), которое способствовало обогащению узких групп населения и стало одной из наиболее эффективных стратегией экономического выживания для крестьян.

В целом за годы правления НДПА и советского присутствия в Афганистане окончательно оформилась так называемая *двойная экономика*. С одной стороны, ускорилось формирование *«городской экономики»*, ориентированной на СССР и советскую экономическую и гуманитарную, в том числе продовольственную, помощь. С другой стороны, вдоль транспортных путей, ведущих в Пакистан и Иран, особенно в приграничных зонах, бурно развивалась теневая *транзитная экономика*, интегрированная в региональную теневую экономику. Если первая экономическая модель («городская экономика») контролировалась государством, то вторая (теневая транзитная экономика) — доминировала в зонах, контролируемых исламской оппозицией. Одной из основ второй экономической модели стал также рост производства и торговли наркотиками.

Социально-экономические ресурсы исламской оппозиции

Модернизационное влияние войны на социально-экономические отношения отразилось и на формировании повстанческого движения моджахедов: военные действия, приток в страну вооружения, политизация ислама и исламизация сопротивления вели к появлению новых элит — вооруженных полевых командиров и радикальных исламистов.

Основной движущей силой вооруженной оппозиции стало *исламское фундаменталистское движение*, получившее новый мощный импульс к развитию после апрельской революции 1978 г. Обе крупнейшие группировки сопротивления — Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Гульбед-

¹³ Dorronsoro G. Op. cit. — P. 156.

дином Хекматиаром и второе по численности Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Бурханудином Раббани — были фундаменталистскими организациями, руководство которых вынуждено было покинуть Афганистан еще в 1975–1976 гг. в период правления М. Дауда. Из других фундаменталистских группировок в составе вооруженной исламской оппозиции наиболее известны отколовшаяся в 1979 г. от ИПА фракция Ю. Халеса и ваххабитский Исламский союз за освобождение Афганистана (ИСОА) во главе с А. Сайяфом. Программа фундаменталистской оппозиции в общих чертах сводилась к ведению *джихада* (священной войны) против неверных и построению в Афганистане исламского государства. Следует подчеркнуть, что с точки зрения идеологической направленности, социального и этнического состава, социальной базы и принципов организации фундаменталистские объединения стали для Афганистана «группировками нового типа». Основу ИПА и ИОА составили не представители традиционных элит, а разночинцы, не традиционная религиозная верхушка, а радикальная «богословствующая интеллигенция», в то время как их массовой базой стала часть крестьянства внутри страны, а мощным резервом — беженцы за ее пределами. Принцип «исламской солидарности» диктовал разнородный этнонациональный состав фундаменталистских организаций и значительную долю в них непуштунских элементов. Представители национальных меньшинств доминировали в составе обеих крупнейших группировок — ИПА и ИОА (в то время как более мелкие ИПА Ю. Халеса и ИСОА были пуштунскими организациями). Именно для крупных фундаменталистских группировок — прежде всего для ИПА — была характерна наиболее жесткая и разветвленная организационная структура, со временем сложившаяся в систему гражданских амиратов и военных фронтов, а также четкая система членства¹⁴. Группировки этого типа — например, отряды Ахмад-шаха Масуда — самого известного военного командующего ИОА — имели сложную структуру и формировались не только и не столько «по родству» (кланово-племенной принадлежности), но и «по подбору» — профессиональные качества и личная преданность играли в кадровой политике не менее, если не более важную роль, чем родоплеменные связи.

Второй составляющей исламской оппозиции режиму НДПА стали *традиционалистские группировки* — Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) во главе с С. Моджаддиди, Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) во главе с С.А. Гилани, Движение исламской револю-

---

¹⁴ Подробнее о фундаменталистских группировках вооруженной афганской оппозиции см. Спольников В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция: истоки и цели. — М.: Наука, 1990. — С. 46–56.

ции Афганистана (ДИРА) во главе с М. Наби Мухаммади и некоторые более мелкие организации. Эта часть оппозиции объединила представителей старых, традиционных элит — бывшей феодально-монархической верхушки, государственного аппарата, генералитета, а также традиционных богословов и религиозных авторитетов и пуштунскую племенную знать. В отличие от фундаменталистов, для традиционалистской оппозиции был характерен однородный этнический состав: все группировки этого типа были чисто пуштунскими, а некоторые из них — даже яркими поборниками пуштунского национализма), а ее массовой базой были в основном пуштунские племена. Несмотря на исламскую риторику, эти силы ратовали за восстановление додаудовских порядков в форме светского государства. По сравнению с основными фундаменталистскими группировками для традиционалистских организаций была характерна гораздо более рыхлая и размытая структура, во многом отражавшая традиционную патримониально-клановую структуру и опиравшаяся на тот или иной клан или более широкое племенное объединение. В отсутствие жесткой системы членства такие группировки часто строились по принципу мюридизма, когда основу того или иного движения составляли мюриды — религиозные последователи суфийских шейхов (например, семьи Гилани, глава которой был «пиром» ордена кадирия)¹⁵.

Именно в рамках традиционалистской оппозиции сохранялась вероятность того, что вооруженную группировку мог непосредственно возглавить крупный землевладелец-феодал, контролировавший значительную территорию и население до начала конфликта. Однако, как уже отмечалось, такие группировки составляли меньшинство в условиях конкуренции с новыми элитами фундаменталистского толка — вооруженными полевыми командами и радикальными муллами. В большинстве же случаев в районах, которые слабо контролировались центральными властями и где отсутствовали элементарные условия безопасности, традиционные экономические игроки были вынуждены искать поддержки со стороны вооруженных группировок для защиты своего капитала. При этом большинство крупных экономических игроков — землевладельцев и особенно транзитных торговцев — как правило, напрямую не ввязывались в вооруженную борьбу. В частности, в Афганистане, в отличие, например, от ряда других конфликтных регионов, крупные торговцы не финансировали создание собственных «частных армий». В целом в ходе вооруженного конфликта в Афганистане не наблюдалось полного слияния экономических и военно-политических элит (как, например, в Мьянме) — скорее, традиционные экономические элиты находились в зависимости от группировок вооруженной оппозиции.

¹⁵ Подробнее см. там же. — С. 57–62.

Недовольство действиями новых властей — особенно политикой НДПА в области социальных и религиозных отношений, воспринятой значительной частью населения как антиисламской, а также попытками радикальных аграрных преобразований — было широко распространено не только среди элит, но и в крестьянской среде, превратив ее в благодатную сферу деятельности исламской оппозиции. Если до войны сельское население Афганистана было малоподвижным и жило довольно изолированной жизнью, то в годы конфликта миллионы крестьян покинули места постоянного проживания и перешли на положение беженцев. Массовый поток афганских беженцев в Пакистан и Иран (к концу 1980-х гг. их число, по самым скромным оценкам, достигало 6 млн человек) позволил вооруженной исламской оппозиции резко расширить свою социальную базу¹⁶. По пакистанским законам, по прибытии в страну афганские беженцы должны были быть зарегистрированы одной из семи основных военно-политических организаций оппозиции, базировавшихся в Пакистане. После нескольких неудачных попыток в 1985 г. эти разнородные группировки под нажимом со стороны Пакистана и США создали, наконец, непрочный «Альянс семи» — так называемую «пешаварскую семерку», объединившую группировки как фундаменталистского, так и традиционалистского толка.

Оппозицию поддержала и значительная часть крестьянского населения, оставшегося в Афганистане. Сборы налогов и пожертвований с крестьян в контролируемых оппозицией районах стали одним из внутренних источников финансирования группировок моджахедов. На ранних этапах сопротивления поддержка моджахедов со стороны местного населения носила в основном добровольный и нерегулируемый характер (например, крестьяне часто добровольно снабжали моджахедов продуктами питания). Однако со временем моджахеды стали вводить более регулярные налоги в контролируемых ими районах. Хотя все введенные моджахедами налоги считались «исламскими», они не всегда соответствовали исламским нормам и традициям. В самом общем виде, налоги подразделялись на традиционные *'ушр* (налог с продуктов земледелия по завершении сбора урожая, который составлял $\frac{1}{10}$ урожая и обычно платился местному мулле, а в некоторых районах — местным властям в натуральном или в денежном выражении) и *закят* (налог размером от $\frac{1}{40}$ до $\frac{1}{20}$ от стоимости товара, который взимался с предметов торговли, капитала, скота, продуктов горнодо-

---

¹⁶ В стане оппозиции прибывающие в Пакистан афганцы считались не беженцами, а переселенцами (*моджахедами*), что позволяло рассматривать их переселение как акт религиозно-политического протеста, подобный совершенной пророком Мухаммедом *хиджре* из Мекки в Медину.

бычи и т. д.)¹⁷. В соответствии с нормами ислама, эти налоги должны были идти преимущественно на благотворительные и гуманитарные нужды, а также на «богоугодные дела» — категория, которая использовалась полевыми командирами как обоснование сбора средств на участие в *джихаде*. Однако группировки вооруженной оппозиции, действовавшие на территории Афганистана, испытывали немалые трудности в сборе налогов с населения подконтрольных им территорий. Налоги собирались нерегулярно и не во всех районах — лишь командиры, обладавшие достаточной силой и властью, могли обеспечить относительную регулярность налоговых поступлений. С резким увеличением объемов иностранной, прежде всего американской помощи моджахедам и, соответственно, с ростом профессионализации повстанческих формирований, ситуация изменилась и значение внутренних источников финансирования исламской оппозиции стало снижаться.

Внешнее финансирование группировок «пешаварской семерки», поступавшее через пакистанские спецслужбы, в основном осуществлялось из двух источников: со стороны западных стран, прежде всего США, и арабских стран (в основном Саудовской Аравии). Определенная помощь этим организациям поступала также со стороны Китая, Японии, Израиля и других стран, а основную роль в финансировании базировавшегося в Афганистане «Союза восьми» играл Иран¹⁸. Западные страны, наряду с СССР, оказывали Афганистану техническую и социально-экономическую помощь еще до революции 1978 г. В частности, США финансировали строительство дамбы и ирригационных сооружений в долине реки Гильменд — будущем центре опийного производства. Однако, по некоторым данным, уже с 1978 г., т. е. еще до ввода в Афганистан советских войск, США начали оказывать военную и финансовую поддержку вооруженным формированиям исламской оппозиции¹⁹. За все время советского военного присутствия в Афганистане совокупный объем средств, предоставленных США на нужды афганского сопротивления, составил около 4 млрд долл. (примерно таким же был объем помощи со стороны Саудовской

¹⁷ *Закят* является наиболее широким понятием для обозначения исламских налогов (так, ушр часто рассматривается как одна из разновидностей закята: теоретически, *ушр* — это закят с продуктов земледелия).

¹⁸ В марте 1985 г. оппозиционные афганские группировки, базировавшиеся в Иране и финансировавшиеся Тегераном, сформировали преимущественно шиитский Союз объединенных исламских организаций Афганистана (так называемый «Союз восьми»). Война с Ираком воспрепятствовала более активному вмешательству режима Хомейни в войну в Афганистане, который рассматривался Тегераном как объект для экспорта исламской революции.

¹⁹ Maley W. The Foreign Policy of the Taliban. — N.Y.: Council on Foreign Relations, 1999. — P. 6.

Аравии)²⁰. По некоторым данным, в отдельные периоды до 80% всех расходов ЦРУ США на тайные операции шли на нужды афганского вооруженного сопротивления²¹. Активным посредником и координатором иностранной военной и финансовой помощи исламской оппозиции стала Межведомственная разведка Пакистана, а созданная ею система посредников, связанная с каналами поставки оружия моджахедам, стала одним из стержней формировавшейся в Афганистане и в прилегавших районах «экономики войны».

Помимо военной помощи, в приграничные зоны, а также районы, не контролировавшиеся или слабо контролировавшиеся правительственной армией (армией ДРА — Демократической Республики Афганистан) и советскими войсками, из-за рубежа поступала так называемая «экстренная гуманитарная помощь». Хотя формально эта помощь выделялась на нужды афганских беженцев и внутренне перемещенных лиц, фактически значительная ее часть стала одной из форм финансирования моджахедов, использовавших ее в собственных целях. По некоторым данным, до трети всех формирований моджахедов финансировалось напрямую западными неправительственными организациями (НПО), безопасность которых, в свою очередь, обеспечивалась местными полевыми командирами²². Для западных и исламских стран НПО были удобными посредниками в оказании тайной помощи моджахедам: использование НПО затрудняло идентификацию первоначального источника финансирования. О преимущественно антисоветской направленности западной «гуманитарной» помощи, поступавшей в районы, контролируемые моджахедами, свидетельствует и тот факт, что хотя после вывода советских войск эта помощь не прекратилась полностью, она значительно уменьшилась — так же как и степень внешнего влияния на дальнейший ход конфликта.

Западные страны и, прежде всего, США не только оказывали поддержку моджахедам оружием, техникой, боеприпасами и использовали так называемую «гуманитарную помощь» как средство финансирования сопротивления, но и поощряли использование моджахедами в этих целях теневых источников доходов, в том числе производства наркосырья и наркотиков, как способ обеспечить их самофинансирование или, по крайней мере, закрыва-

---

²⁰ Rashid A. Taliban. *Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. — New Haven: Yale University Press, 2000. — P.197. Возможно, между Саудовской Аравией и США была заключена специальная секретная договоренность о том, что Эр-Рияд будет предоставлять американским спецслужбам средства для передачи моджахедам в таком же объеме, как и Конгресс США.

²¹ Спольников В.Н. Ук. соч. — С. 103.

²² Dogronsoro G. *Op. cit.* — P. 164–165.

ли глаза на операции с наркотиками. На всем протяжении 1980-х гг. деятельность отделения Службы по борьбе с наркотиками США в Исламабаде не привела ни к громким арестам, ни к перехватам наркотиков. По словам бывшего руководителя операций ЦРУ в Афганистане Ч.Когана, «США принесли борьбу с наркотиками в жертву приоритетам холодной войны и борьбы с советским присутствием в Афганистане»²³. При этом, в отличие, например, от военной кампании США во Вьетнаме, в ходе тайного противостояния СССР в Афганистане США напрямую не участвовали в торговле или переработке афганских наркотиков²⁴, предоставив играть ключевую посредническую роль пакистанской Межведомственной разведке.

Формирование опиийной экономики: стратегия выживания, теневой бизнес, ресурс конфликта

В начале 1980-х гг. те районы Афганистана, где к тому времени уже выращивался опиийный мак, оказались под контролем сил, которые вели вооруженную борьбу против центрального правительства НДПА и советских войск. Параллельно, запрет на культивирование мака, введенный одним из крупнейших традиционных производителей опия в регионе — Ираном — после исламской революции 1979 г.²⁵, совпал с временным резким падением производства опия в результате двухлетней засухи в Юго-Восточной Азии²⁶ — в районе «Золотого треугольника», служившего в те годы главным источником опиатов в мире. В этих условиях основными альтернативными поставщиками опия, способными заполнить образовавшую нишу на мировом рынке, объективно становились Афганистан и Пакистан. Однако если в Пакистане резкий скачок роста площадей культивирования мака и производства опия на рубеже 1970-х — 1980-х гг.²⁷ удалось нейтрализовать путем ужесточения государственной политики по борьбе с наркотиками, в том числе под нажимом со стороны США, то в Афганистане импульс к росту опиийного производства, в условиях разгоравшегося внутреннего конфликта и при активной поддержке извне, напротив,

²³ Цит. по: McCoy A. Drug Fallout: the CIA's Forty Year Complicity in the Narcotics Trade // The Progressive. — 1997. — 1 Aug.

²⁴ См. Dorrnsoro G. Op. cit. — P. 178.

²⁵ Еще раньше, в 1972 г., полный запрет на культивирование мака на своей территории ввела Турция.

²⁶ До 165 т в 1979 г. и 225 т в 1980 г. McCoy A.W. Historical Review of Opium/Heroin Production. Interim Draft Final Report. — 1995. <<http://www.druglibrary.org/schaffer/heroin/historic.htm>>.

²⁷ В 1979 г. производство опия в Пакистане резко возросло, составив 720 т опия. Chouvy P.-A. Golden Crescent. — P. 441

получил дальнейшее развитие. Наряду с оружием и трансрегиональной контрабандой, опий оставался одним из немногих прибыльных товаров в Афганистане, а опийный бизнес стал одним из источников финансирования движения сопротивления. В результате производство опия в Афганистане только с 1980 по 1983 г. возросло с 200 до 575 т²⁸.

Культивирование опия как стратегия экономического выживания. Выращивание опийного мака требовало меньше воды, чем многие другие сельскохозяйственные культуры, и мак можно было возделывать на большей части территории Афганистана. В отличие от ряда других сельскохозяйственных культур, особенно фруктов и овощей, опий-сырец как непортящийся товар не требовал особых условий хранения и транспортировки, что делало его культурой, более приспособленной для сельской экономики, инфраструктура которой разрушена войной. Неприхотливость опийного мака сочеталась с его прибыльностью: в отдельных районах культивирование мака в Афганистане могло быть почти в 30 раз более прибыльным, чем выращивание пшеницы, и в 40 раз более прибыльным, чем хлопководство.

Однако с экономической точки зрения вряд ли можно объяснить рост площадей возделывания мака в Афганистане лишь высокой прибыльностью этой культуры. Во-первых, даже в афганских условиях, в ряде районов, перешедших на производство мака, было возможно выращивание не менее прибыльных культур — например, абрикосов, яблок, гранатов, некоторых бахчевых, тмина, винограда и т. д.²⁹ Во-вторых, учитывая, что для выращивания мака подходит большая часть территории страны, посевы мака не только в 1980-е гг. когда производство опия набирало силу, но и в период наркобума 1990-х гг. занимали весьма небольшую часть (1–3%) всех обрабатываемых земель. Очевидно, что если бы дело было только в высокой прибыльности этой культуры, под посевы мака могли бы быть отведены и более значительные площади, особенно в районах, контролируемых вооруженной оппозицией. Более того, практически ни в одном крестьянском хозяйстве, даже в зонах наиболее активного возделывания мака, он не стал монокультурой и редко занимал более 70% земельного участка. Даже в тех деревнях, где мак стал основной сельскохозяйственной культурой, нередко оставались хозяйства, где он не выращивался вовсе³⁰. Почему? Очевидно,

²⁸ McCoy A.W. Historical Review of Opium/Heroin Production. Ibid.

²⁹ Это справедливо и для других регионов: в большинстве районов наркопроизводства возможно возделывание более прибыльных сельскохозяйственных культур, чем наркочультуры (например, выращивание цветов в ранее наркопроизводящих районах Таиланда увеличило прибыль крестьян в 50 (!) раз).

³⁰ Mansfield D. The Economic Superiority of Illicit Drug Production: Myth and Reality. Opium Poppy Cultivation in Afghanistan. — Fildafing; Munich, 2002. — P. 3.

прибыльность мака играла решающую роль в переходе на его выращивание не для всех участников производственного процесса и не во всех районах. Помимо нее, должны были существовать еще какие-то социально-экономические факторы, влиявшие на уровень и масштабы возделывания этой наркокультуры.

Во-первых, это роль опиийного производства как *средства доступа крестьян к земле, воде и рынкам сбыта*. Как уже отмечалось, Афганистан оставался страной преимущественно крестьянского землевладения, и распределение земель среди афганских крестьян в целом носило более равномерный характер, чем, например, в Пакистане или Индии. Однако и в Афганистане, особенно на юге страны, постепенно росла доля безземельного сельского населения, пополнявшего ряды наемных сельскохозяйственных работников, мигрировавших по стране в поисках заработка. Именно в районах, где проблема малоземельности или безземельности стояла наиболее остро, наркопроизводство распространялось более быстрыми темпами и более широко. Там, где к тому же отсутствовала или была разрушена система ирригации³¹, маку зачастую просто не было альтернативы. Так, в северных районах провинции Гильменд, где земельные участки были более дробными, а доступ к системам орошения и рынкам сбыта был затруднен, возделывание мака велось в более широких масштабах, чем в южных районах той же провинции. В тех районах Гильменда и Нангархара, где «земельный голод» ощущался менее остро, а доступ к системам орошения и рынкам был лучше, под посевы мака, как правило, отводилась меньшая часть земельного участка, чем в остальных районах, где возделывание опия в буквальном смысле становилось для малоземельных крестьян *средством доступа к земле*.

Хотя обычно именно землевладелец диктовал арендаторам выбор основной культуры возделывания, которой все чаще становился мак, они получали возможность в ограниченных масштабах выращивать на арендуемой земле и продовольственные культуры для собственного потребления (например, пшеницу и овощи), тем самым обеспечивая своим семьям хотя бы минимальный уровень продовольственной безопасности, особенно в зимний период. Если малоземельные крестьяне в основном обрабатывали землю на условиях аренды, часто своими средствами производства, то самые бедные безземельные крестьяне работали на условиях издольщины (за часть урожая), наиболее распространенной на юге страны. Издольщики отдавали

---

³¹ Основу ирригации в Афганистане составляет система «кяризов» (колодцев, связанных подземными тоннелями), которая не дает возможности горным речкам, образующимся в результате таяния снега и льдов, превратиться в грунтовые воды, выводя их на поверхность, т. е. в буквальном смысле не позволяет им «уйти в песок».

владельцу земельного участка от половины до трети урожая. Однако если они не располагали собственными средствами производства и вообще ничем, кроме своего труда, то их доля могла составлять лишь пятую часть урожая. Со временем владельцы земельных участков стали менять условия аренды и издольщины таким образом, что они сами по себе стимулировали производство мака (например, натуральный эквивалент земельной ренты стал исчисляться в объеме урожая опийного мака, а не пшеницы, как раньше). Таким образом, в ряде районов Афганистана выращивание мака для значительного числа крестьян фактически стало обязательным условием доступа к ресурсам для ведения любого сельскохозяйственного производства — земле, воде для орошения, инвентарю, удобрениям и т. п.

Во-вторых, производство мака облегчало крестьянам *доступ к кредиту*. В условиях вооруженного противостояния, обесценивания национальной валюты и отсутствия формальной банковской и кредитной системы, относительно стабильные цены на опий и простота хранения делали его идеальной формой сбережения, средством обращения (крестьяне расплачивались опиумом за покупки) и источником кредита. При этом применявшаяся форма кредита (*саям*) — предварительная оплата посредниками, торговцами или землевладельцами фиксированного объема сельскохозяйственной продукции крестьянам или наемным работникам по заведомо низкой цене — носила отчетливо эксплуатационный характер, все больше и больше втягивая крестьян в опийное производство, и способствовала появлению целого слоя «наркоростовщиков»³².

В-третьих, производство мака могло приносить прибыль крестьянскому хозяйству, располагавшему землей для сдачи ее в аренду, при условии широкого использования малооплачиваемого (батрацкого) или вообще не оплачиваемого (семейного, женского, детского) труда. Выращивание опийного мака — чрезвычайно трудоемкое занятие: на 1 га мака уходит в среднем 350 человеко-дней, а на 1 га пшеницы — всего 41 ч.-д.³³ Соответственно, производство мака было бы далеко не столь прибыльным, если бы землевладелец был вынужден полностью оплачивать использование всего объема рабочей силы, необходимого для культивирования мака, и не прибегал к широкому использованию малооплачиваемого батрацкого труда. Трудовые затраты на культивирование опийного мака частично компенсировались за счет привлечения к этой работе женщин и детей. Соответственно, для крестьян, которые были не в состоянии нанять дополнительных работников для возделывания мака, он был менее привлекательной культурой.

³² Подробнее см. The Opium Economy in Afghanistan. — P. 12; Mansfield D. Op. cit. — P. 6.

³³ Mansfield D. Op. cit. — P. 9.

Таким образом, на рост и распределение площадей культивирования мака влияла не только его абстрактная «прибыльность». Как уже отмечалось, прибыль от опия весьма неравномерно распределялась между землевладельцами, располагавшими излишками земли и возможностями кредитования, имевшими доступ к ирригации и средствам производства, и, например, малоземельными крестьянами или безземельными батраками. Многофункциональность опийного мака, его роль как средства получения доступа к земле, источника кредита и возможности стороннего заработка для малоземельных хозяйств, не располагавших ресурсами, достаточными для экономического выживания, играла не менее важную роль в распространении этой культуры в Афганистане, чем его прибыльность. Для многих, особенно беднейших хозяйств многофункциональность опийного мака этим не ограничивалась: при сборе урожая мака в ход шло буквально все — помимо высушенного мака и опийной смолы на продажу, стебли и коробочки использовались как топливо (что немаловажно для страны, испытывавшей острый дефицит древесного топлива); из опийного мака также получали масло, на котором готовили пищу, а жмых шел на корм скоту.

В целом прибыльность опийного мака во многом зависела от тех ресурсов, которыми располагали его владельцы, прежде всего, земли и кредитов. Те, кто в избытке располагали и тем и другим, т. е. более крупные землевладельцы и торговцы, извлекали из опийного производства прибыль, остальные же — подавляющее большинство крестьян в неорошаемых районах, малоземельные крестьяне и батраки в районах искусственной ирригации — в основном сводили концы с концами. Связь между выращиванием опийного мака и общей бедностью населения была особенно явной в зонах неирригированного земледелия (например, в Бадахшане), где единственной альтернативой выращиванию мака для местного населения часто был лишь переход на положение беженца или вступление в ряды вооруженных формирований.

При этом следует учитывать, что культивирование мака (как и торговля опиумом) в Афганистане во многих районах традиционно не рассматривались как криминальные действия. Производством опийного мака занимались представители практически всех основных этнических групп, хотя оно в основном было сосредоточено в пуштунских и, в меньшей степени, в таджикских деревнях. В то же время потребление опия и гашиша, более широко распространенное, в том числе как традиционное средство лечения болезней, среди таджиков и туркмен на севере страны³⁴, могло приравниваться к уголовному преступлению (как правило, по религиозным соображениям).

³⁴ INSCR—2003. — P. VII—7.

В более широком плане вопрос о том, насколько термины «нелегальная», или «криминальная», экономическая деятельность (как, впрочем, и термин «легальная экономика») корректны применительно к тем районам, куда не распространялся государственный контроль и где существовал своеобразный легальный вакуум, лишь усугубившийся в условиях вооруженного противостояния, носит риторический характер. В любом случае, в такой ситуации — особенно применительно к первоначальным стадиям наркопроизводства, т. е. к непосредственному культивированию мака крестьянами, — более приемлемы термины «неформальная», или «теневая» экономическая деятельность. Если целью и смыслом нелегальной экономической деятельности является прежде всего получение прибыли незаконным путем, то для значительной части крестьян, непосредственно занятых возделыванием мака, речь шла не столько о высокодоходном бизнесе, сколько о стратегии элементарного экономического выживания, позволявшей сводить концы с концами.

В целом выживание крестьян и их доступ к ресурсам для ведения сельскохозяйственного производства за счет выращивания мака вряд ли можно считать *наркобизнесом* в полном смысле этого слова. Теневой бизнес как таковой начинался тогда, когда землевладелец сдавал землю издольщикам под выращивание мака или когда торговец скупал и перепродавал урожай опия, не говоря уже о последующих стадиях переработки опия и торговли его производными. В отличие от экономического выживания как главной цели непосредственных производителей мака, основной целью посредников, торговцев и землевладельцев, сдававших землю в аренду под культивирование мака, было извлечение максимальной прибыли от теневого бизнеса.

Торговля опиумом как теневой бизнес. В отличие от культивирования мака и продажи опия-сырца (сформированной и высушенной на солнце маковой смолы), позволявших крестьянам выживать в сложившихся условиях, дальнейшая торговля опиумом и его производными была прибыльным бизнесом, который в 1980-е гг. стал неотъемлемой частью афганской и региональной теневой экономики.

В целом уже в 1980-е гг. торговлю опиумом в Афганистане (по сравнению, например, с Мьянмой) отличал высокий уровень маркетинга и влияния торговли на производство, в том числе на местном уровне. На местных опиумных базарах доминировала оплата наличными. Мелкие торговцы предоставляли крестьянам кредит на производство мака, в том числе на закупку семян, удобрений и инвентаря, и закупали продукцию непосредственно в крестьянских хозяйствах, а также у крестьян на местных базарах по выгодным для себя ценам³⁵. Если на юге Афганистана торговля опиумом носила

³⁵ INSCR—2003. — P. VII—6.

более фрагментированный и конкурентный характер, то в восточных и северных районах опиийные базары, контролировавшиеся более узким кругом крупных торговцев, были крупнее, а их число было меньше³⁶.

Более крупные транзитные торговцы занимались маркетингом в более широком, в том числе региональном, масштабе. Трансграничная торговля облегчалась тем, что по обе стороны границы жили представители одной и той же этнической группы (пуштуны по обе стороны афганско-пакистанской границы, белуджи по обе стороны границ Афганистана с Пакистаном и Ираном). При этом наибольшие прибыли извлекались посредниками, базировавшимися в Пакистане: имея базы в приграничном Пешаваре, они, как правило, постоянно проживали в Карачи или Лахоре. В то же время прибыли самих афганских торговцев были менее внушительными, а влияние формировавшегося крупномасштабного регионального транзита наркотиков на афганскую деревню — не слишком заметным. Основным направлением наркотрафика из Афганистана в Европу на протяжении 1980-х гг. оставался так называемый *балканский путь*. Через Пакистан и Иран афганские опиаты попадали в Турцию, где перерабатывались в местных лабораториях, а затем через Балканы поставлялись на европейский рынок в виде низкокачественного героина, так называемого «коричневого сахара». Уже в Европе часть героина перерабатывалась в более качественный продукт, близкий по качеству к героину, поступавшему из Юго-Восточной Азии.

В отличие от культивирования мака, ставшего для многих непосредственных производителей оптимальной стратегией экономического выживания, любая форма наркоторговли, в том числе на местном уровне, являлась наркобизнесом в чистом виде. Важно подчеркнуть, что несмотря на важную роль вооруженного конфликта в создании условий для расширенного роста наркопроизводства в Афганистане, торговля наркотиками оставалась прежде всего отраслью теневой экономики, развивавшейся по своим законам, которые не обязательно совпадали с законами войны и отвечали ее потребностям. Хотя теневая экономика служила основой афганской «экономики войны», эти понятия отнюдь не были идентичными. Теневая экономика, особенно в форме трансграничной региональной контрабанды, начала формироваться в Афганистане задолго до начала масштабной гражданской войны между режимом НДПА и исламской оппозицией и вооруженного сопротивления советскому военному присутствию. Хотя вооруженный конфликт оказал существенное влияние на развитие теневой экономики, оно регулировалось и чисто экономическими факторами, выходящими за рамки ситуации в самом Афганистане (например, особенностями тарифной политики

³⁶ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 7.

соседнего Пакистана и ситуацией на международных теневых рынках). В то же время и «экономика войны» питалась не только за счет теневых видов деятельности и включала, например, налогообложение вполне легальных земледельческих культур (пшеницы, риса) и отраслей сельскохозяйственного производства (скотоводства). Понятия «теневая экономика» и «экономика войны» обозначают, таким образом, не идентичные, хотя и совместимые, комплексы интересов. Если главной движущей силой теневой экономики были афганские торговцы и трансграничная транспортная мафия, а ее главным импульсом — стремление к достижению максимальной прибыли незаконным путем, то ключевыми игроками на поле «экономики войны» были сами полевые командиры и возглавляемые ими формирования, а ее основной функцией было финансирование вооруженных действий. Одним из его источников и стал наркобизнес.

Сборы с производства и торговли опиумом как ресурс конфликта. Наркобизнес в Афганистане стал одним из «внутренних» источников финансирования «экономики войны», которую, в самом общем виде, можно определить как производство, мобилизацию и распределение экономических ресурсов, необходимых для поддержания вооруженной борьбы. С начала 1980-х гг. моджахеды стали использовать сборы с возделывания мака (*ушр*) и торговли опиумом (*закят*) для частичного финансирования поставок оружия, часто на бартерной основе. При этом само по себе возделывание мака, как правило, становилось не столько результатом прямого давления со стороны полевых командиров, сколько инициативой крестьян, искавших более рентабельную культуру для возделывания в условиях вооруженного конфликта, а также местных торговцев опиумом.

Насколько велика была доля доходов от наркобизнеса в финансировании вооруженной оппозиции? По некоторым данным, доходы моджахедов от сборов с производства и торговли опиумом в 1980-е гг. составляли до 20 млн долларов в год (т. е. около 10% от общего объема их финансирования)³⁷. Хотя наркобизнес стал одним из основных местных ресурсов войны, объемы иностранной помощи моджахедам — оружием, техникой, боеприпасами, финансовыми средствами и т. д. — значительно превышали поступления от внутренних источников их финансирования, включая доходы от опиума.

Какие группировки сопротивления в наибольшей степени были вовлечены в наркобизнес? На первый взгляд, логично было бы предположить, что более масштабная вооруженная активность и более высокий уровень организации, характерный для основных фундаменталистских группировок —

³⁷ По данным эксперта ООН Дорис Будденберт (с 2004 г. — глава афганского отделения УНП ООН). Цит. по: Dorronsoro. Op. cit. — P. 174.

ИПА и ИОА, — должны были означать, что их потребности в финансировании, в том числе за счет «дополнительных» источников дохода, были выше, чем у племенных традиционалистских группировок. Кроме того, разветвленная организационно-административная система ИПА и ИОА, действовавшая в том числе в контролируемых ими районах Афганистана, теоретически давала местным командирам более широкие возможности обеспечить сбор налогов с производства как легальной, так и нелегальной сельскохозяйственной продукции, в том числе опиийного мака.

Однако более высокие финансовые потребности основных фундаменталистских организаций с лихвой компенсировались тем, что именно они как наиболее крупные и активные участники вооруженного сопротивления были получателями львиной доли иностранной военной и финансовой помощи³⁸. Кроме того, в распоряжении полевых командиров фундаменталистских движений, особенно ИОА, основная активность которого приходилась на северные районы страны, были и альтернативные ценные местные ресурсы, пользовавшиеся спросом в региональном или даже международном масштабе. Например, для главнокомандующего силами ИОА на севере страны А. Масуда главным внутренним источником дохода был контроль над добычей и экспортом драгоценных камней — изумрудов, лазуритов и т. п., добывавшихся в рудниках Панджшера, в том числе с использованием труда военнопленных.

В целом возможность использования той или иной группировкой доходов от наркопроизводства и наркоторговли в качестве регулярного источника финансирования определялась не только ее организационными и военными потребностями и возможностями, районом базирования и операций и т. д., но и другими факторами, в том числе идеологического плана. В частности, есть указания на то, что именно умеренно-исламские традиционалистские организации имели более разнородные источники финансирования и вообще были менее «привередливы» и «разборчивы» в этом плане, не чураясь доходов любого происхождения, в том числе доходов от наркоторговли. Это и неудивительно, учитывая опору этих группировок на трансграничные пуштунские племена. Судя по всему, из оппозиционных организаций наиболее тесно с наркоторговлей был связана традиционалистская группировка НИФА во главе с С. Гилани, пользовавшаяся поддержкой местных элит в восточных районах страны (Нангархар, Пактия и Лагман)

---

³⁸ Это утверждение справедливо даже несмотря на то, что, например, у более радикальной ИПА и ее лидера Г. Хекматиара, по крайней мере на уровне риторики, были некоторые проблемы «идеологического характера» с официальным принятием западного финансирования, в русле провозглашенного им курса «ни Запад, ни Восток!».

и имевшая весьма разнородные источники финансирования, включая помощь со стороны ЦРУ, неправительственных организаций и фондов США, стран Западной Европы и арабских государств, доходы от торговли наркотиками, пожертвования мюридов и состоятельных людей, и т. п.³⁹ В целом, хотя возможность использования фундаменталистскими организациями сборов с производства и оборота наркотиков в целях финансирования, в том числе закупок оружия, нельзя исключать, есть основания полагать, что именно традиционалистские группировки были теснее связаны с наркобизнесом. Отдельные формирования и полевые командиры фундаменталистского, особенно ваххабитского толка даже предпринимали попытки запретить и прекратить выращивание мака на подконтрольной им территории, которые, кстати, тяжело отражались на положении местного крестьянства и даже приводили к росту его оттока в Пакистан. В труднодоступном районе Кунар к северу от Нангархара ваххабитские лидеры могли, например, позволить себе запретить выращивание мака по религиозным соображениям лишь потому, что располагали значительной финансовой помощью со стороны арабских стран и могли частично возместить крестьянам понесенные убытки⁴⁰.

Причины роста производства и торговли опиумом после вывода советских войск и падения режима НДПА. За 1980-е гг. Афганистан стал одним из ведущих производителей опиума в мире: за десять лет — с 1980 г. по 1990 г. — производство опиума возросло с 200 до 1570 т в год⁴¹, т. е. почти в 8 раз, тогда как за предыдущее десятилетие производство опиума в Афганистане выросло не более чем в три раза. Соответственно, доля Афганистана в мировом опиумном производстве возросла с 19% в 1980 г. до 42% в 1990 г.⁴² Впрочем, несмотря на то, что вооруженное противостояние режиму НДПА и советскому присутствию и его последствия для экономики страны послужили стимулом к расширению производства и торговли наркотиками, в 1989 г. опиаты афганского происхождения все еще составляли не более трети мирового производства опиатов. Окончательный «прорыв» в расширении наркопроизводства, выведший Афганистан на первое место в числе поставщиков опиатов в мире, произошел на фоне экономического коллапса, политического хаоса и развала сколько-нибудь дееспособной центральной власти уже после вывода советских войск, отказа СССР от прямого вмешательства в дела этой страны и по-

³⁹ См., например, Спольников В.Н. — С. 61.

⁴⁰ Dorrnsoro G. Op. cit. — P. 175.

⁴¹ Afghanistan Opium Survey 2003. Report by the UN Office on Drugs and Crime and Counter-narcotics Directorate of the Government of Afghanistan. — Vienna: UN ODCCP, Oct. 2003. — P. 47.

⁴² The Opium Economy in Afghanistan. — P. 89.

следовавшего вскоре распада самого СССР. С 1990 по 1994 г. производство опия в Афганистане выросло более чем в два раза: с 1570 т до 3416 т. С чем связан продолжавшийся рост наркопроизводства в начале 1990-х гг.?

Во-первых, с уходом советских войск вооруженный конфликт не прекратился, а видоизменился, приняв форму этнополитического противостояния между бывшими союзниками по борьбе с режимом НДПА и с советскими войсками. Собственно, применительно к этому этапу можно говорить не столько о каком-либо конкретном «афганском конфликте», сколько о серии мини-конфликтов, объединенных в региональную конфликтную систему с размытыми границами. В данном исследовании для обозначения активности военно-политических группировок в региональном масштабе предлагается использовать термин «*этнополитический бандитизм*». В первой половине 1990-х гг., в условиях подъема этнополитического бандитизма, потребность вооруженных формирований в финансировании военных действий друг против друга (а также против просоветского режима М. Наджибуллы до его падения в 1992 г.) сохранялась, а доходы от опия оставались стабильным источником финансирования междоусобной войны.

Во-вторых, с выводом из Афганистана советских войск значительно сократилась внешняя, прежде всего американская, финансовая помощь моджахедам. Соответственно, усилилась их потребность в поиске собственных источников финансирования, что послужило стимулом к дальнейшему расширению производства опия. Хотя США, наряду с СССР, стали официальным гарантом Женевских соглашений по Афганистану 1988 г., после вывода советских войск в феврале 1989 г. интерес администрации США к Афганистану значительно упал. Конечно, после февраля 1989 г. поддержка моджахедов со стороны США не прекратилась полностью. Однако она сразу упала более чем вдвое, составив в 1991 г. лишь 200 млн долл.⁴³ (в то время как за 9 лет и три месяца советского военного присутствия в Афганистане эта сумма в среднем составляла не менее 427 млн долл. в год). Сократилась и финансовая помощь США пакистанским покровителям афганских моджахедов.

В-третьих, набравшие силу междоусобные столкновения отнюдь не способствовали улучшению экономического положения. В этих условиях производство опионого мака оставалось для крестьян одним из немногих стабильных источников дохода. Кроме того, в отличие от многих других отраслей сельского хозяйства, система и инфраструктура опионого производства уже была отлажена и хорошо функционировала. Дополнительным сти-

---

⁴³ Kellet N.A. External Involvement in Afghanistan. Policy Group Report 2016. – Ottawa: Dep. of National Defence, Directorate of Strategic Analysis. – 2000. <http://www.dnd.ca/admpol/eng/doc/Afghanistan/afg_10_e.htm>; см. также: The Opium Economy in Afghanistan. – P. 90.

мулом к росту производства опия стало возвращение в страну на рубеже 1980-х — 1990-х гг. сотен тысяч афганских беженцев. В условиях упадка сельскохозяйственного производства наиболее эффективной стратегией выживания беженцев, как правило, становилось именно выращивание опийного мака. Возвращавшиеся в начале 1990-х гг. беженцы множили число наемных сельскохозяйственных работников, скитавшихся по разным регионам страны в поисках работы, — и тем самым способствовали распространению опийного производства на новые районы, принося с собой соответствующие навыки⁴⁴.

В-четвертых, несмотря на то что в годы правления НДПА часть территории страны контролировалась силами вооруженной оппозиции, центральная власть вела борьбу с опиумом, по крайней мере, в подконтрольных ей районах. Кроме того, несмотря на слабость или отсутствие пограничного контроля, особенно вдоль восточной и южной границ Афганистана, в 1980-е гг., по крайней мере, северные границы страны охранялись, особенно с советской стороны. В результате, например, в районе Мазари-Шарифа, который в 1970-е гг. был значительным производителем опия, в следующее десятилетие производство опия упало — как вследствие жесткого контроля со стороны центрального правительства, так и благодаря отсутствию прямых транспортных коридоров для связи с Пакистаном (при закрытости северных границ с СССР). Напротив, с распадом самого СССР открытие новых путей для транзита наркотиков по территории бывших советских среднеазиатских республик стало еще одним дополнительным стимулом к росту наркопроизводства в Афганистане. По мере роста значения этого северного маршрута, проходящего через центральноазиатские страны (Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан), для транзитной торговли афганскими опиатами он становился частью региональной теневой экономики с центром в Афганистане, развитие которой к концу XX в. достигло своего апогея.

§ 2. Наркобизнес и конфликт в годы правления талибов

В начале 1990-х гг. Афганистан перестал быть сферой противостояния мировых сверхдержав, одна из которых — СССР — распалась, а другая — США — в значительной мере потеряла интерес к событиям в этой стране, и потерял свое стратегическое значение в качестве «буферного» государства. С окончанием «холодной войны» и формированием в Центральной Азии новых независимых государств Афганистан стал своеобразной транзитной

⁴⁴ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 7.

зоной с фактически открытыми границами, пересеченными торговыми маршрутами, которые играли роль транспортных коридоров для региональной теневой экономики.

Хотя внимание к Афганистану со стороны бывших противников по «холодной войне» резко снизилось, а внешние источники подпитки вооруженных формирований сократились, в региональном масштабе стратегическое значение Афганистана не только не упало, но даже возросло. На смену глобальным державам на первый план вышли региональные игроки — прежде всего Пакистан и Иран, поддерживавшие устойчивые связи с теми или иными вооруженными группировками внутри Афганистана. Сохранявшаяся нестабильность и рост этнополитического бандитизма в Афганистане не могли не угрожать региональной стабильности в целом и безопасности формировавшихся после распада СССР молодых центральноазиатских государств, в частности, вынуждая их активизировать контакты с этнически родственными группировками на севере страны.

Рост региональной теневой экономики

Выдвижение на первый план регионального измерения внутриафганского конфликта совпало с активизацией региональной теневой, или неформальной, экономики. Она стала главной, хотя и не единственной основой «экономики войны» в самом Афганистане, разновидностями которой, в условиях достигшей своего апогея кланово-племенной раздробленности и междоусобицы, стали бандитизм вооруженных формирований, рост объемов транзитной контрабандной торговли и производство опиума крестьянами.

В начале 1990-х гг. дальнейшее размывание границ и фактическое погружение Афганистана в состояние этнополитической раздробленности дали новый импульс развитию трансграничных региональных маршрутов контрабандной торговли, которое к тому же облегчалось наличием большого числа беженцев из Афганистана в соседних государствах. Регионализация экономики в Афганистане достигла своего апогея. Применительно к этому периоду трудно даже говорить об «афганской экономике» как таковой — скорее, речь идет об экономике нескольких крупных регионов, в большей степени ориентированной на соседние страны, чем на внутриафганский рынок. Западные районы Афганистана с центром в Герате ориентировались на северо-восточные районы Ирана с центром в Мешхеде: из Ирана поступала дешевая нефть, а из западных районов Афганистана в Иран шел отток дешевой рабочей силы. Южные районы с центром в Кандагаре были тесно связаны с Кветтой (Пакистан), восточные с центром в Джелалабаде — с пакис-

танским Пешаваром, а северные районы с центром в Мазари-Шарифе экономически были ориентированы на Узбекистан и Туркменистан. Таким образом, все экономические зоны, за исключением центральной — Хазараджата (Хазаристана) — были ориентированы на то или иное соседнее государство, сохраняя при этом определенный уровень автономии и внутреннюю устойчивость; центром каждой такой зоны был один или несколько крупных городов.

Растущие объемы и значение контрабандной торговли придавали борьбе вооруженных группировок за контроль над городами отчетливый экономический подтекст: контроль над городами означал контроль над центрами торговли, над базарами, откуда поступала значительная часть доходов моджахедов. Параллельно вооруженные группировки устраивали временные открытые ярмарки по распродаже контрабандных товаров. Если контроль над крупным городом, в том числе над столицей — Кабулом, — установить не удавалось, то моджахеды устраивали его экономическую блокаду, создавая тем самым новые потоки внутренне перемещенных лиц, и организовывали альтернативные рынки неподалеку. В первой половине 1990-х гг. такой альтернативный рынок функционировал, например, к юго-западу от Кабула. Он был организован силами ИПА во главе с Г. Хекматиаром, блокировавшими город, и получил название «базара Гульбеддина». Впоследствии, когда талибы изгнали формирование Хекматиара из окрестностей Кабула, этот рынок был ликвидирован, а цены на зерно упали вдвое⁴⁵. В этих условиях центральный регион, не имевший прямых экономических связей с соседними государствами, оказался в маргинальном положении. Кабул фактически перестал быть экономической столицей страны, а экономическая блокада столицы стала дополнительным препятствием к возрождению хотя бы номинального политического центра.

Важно подчеркнуть, что основы региональной теневой экономики, частью которой было производство и незаконный оборот наркотиков, сложились в Афганистане *еще до прихода к власти движения Талибан*. Главной основой этой региональной теневой экономики была *транзитная контрабандная торговля*, доходы от которой для афганских группировок превышали доходы от производства и незаконного оборота наркотиков. Помимо Афганистана, региональная система транзитной торговли контрабандными товарами охватывала зону свободной торговли в Дубаи (Объединенные Арабские Эмираты), а также Пакистан и Иран и постепенно распространяла свое

⁴⁵ См., например, Давыдов А.Д. Война и внутренний рынок // Афганистан: Война и проблема мира. — М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближнего Востока, 1998. — С. 23; Dogronogo G. Op. cit. — P. 186.

влияние на центральноазиатские государства. Афганистан, оставшийся на протяжении большей части 1990-х гг. плохо управляемой или вовсе неуправляемой территорией, но сохранивший остатки транспортной инфраструктуры, связывающей Иран, Пакистан и Центральную Азию, стал своеобразным центром этой региональной теневой экономической системы.

Одним из основных направлений контрабанды товаров в масштабах региона были нелегальные поставки товаров, беспощинно закупаемых афганскими и пакистанскими торговцами в Дубаи для последующего транзита через Афганистан в Пакистан, а также нефтепродуктов из Ирана, на внутреннем рынке которого цены на них чрезвычайно низки. На территории Афганистана этот нелегальный транзит пересекался и сливался с другим торговым потоком — контрабандным реимпортом товаров из Афганистана в Пакистан, где неоправданно высокие таможенные барьеры в сочетании с высоким уровнем налогообложения товаров местного производства создавали мощнейший стимул к контрабандной торговле и коррупции. Именно Пакистану, наряду с Афганистаном, принадлежала особая роль в региональной теневой экономике. Действовавшее с 1965 г. афганско-пакистанское *Соглашение о транзитной торговле*, в соответствии с требованиями Конвенции ООН 1950 г., давало Афганистану как стране, не имеющей выхода к морю, право беспощинно ввозить более половины всех импортируемых товаров — электронику, бытовую технику, запчасти, чай, одежду, косметику и другие потребительские товары — через территорию Пакистана (в основном через порт Карачи). Попав на территорию Афганистана, этот легальный торговый поток обращался вспять, превращаясь таким образом в контрабандный: большинство беспощинно ввозимых в Афганистан через Пакистан товаров затем нелегально реимпортировалось в Пакистан. Еще в 1970-е гг. этот нелегальный реимпорт принял такие масштабы, что корпорации афганско-пакистанских торговцев, в основном пуштунов⁴⁶, специализировавшиеся на контрабандных грузовых перевозках, стали серьезной экономической силой как в Афганистане, так и в Пакистане. По иронии судьбы, трансграничную контрабандную торговлю с Пакистаном облегчили предпринятые в 1970-е гг. меры по строительству дорог и развитию тяжелого грузового транспорта, финансировавшиеся в основном за счет кредитов со стороны ФРГ⁴⁷. Маршруты транзитной контрабандной торговли проходили и по территории Ирана (в основном через порт Бендер-Аббас), а затем через территорию Афганистана в Пакистан. В 1990-е гг. транзитная контрабандная тор-

⁴⁶ Позиции торговцев-белуджей были слабее.

⁴⁷ Подробнее см. Goodhand J. *Frontiers and Wars: A Study of the Opium Economy in Afghanistan*. — L.: Univ. of London, January 2003. — P. 4.

говля стала основой региональной теневой экономики. По данным Всемирного банка, из общего объема торговли между Афганистаном и Пакистаном, составлявшего в 1996–1997 гг. около 2,5 млрд, 1,96 млрд долл. приходилось на товары, нелегально реэкспортируемые в Пакистан⁴⁸. Доходы от нелегального реимпорта (как и от торговли наркотиками) оказывали растущее влияние на пакистанскую формальную экономику и активно вкладывались в легальную торговлю и промышленность. Даже введение Пакистаном односторонних ограничений списка товаров, подлежащих беспощинному ввозу в соответствии с Соглашением о транзитной торговле, не привело к сокращению объемов контрабандного реэкспорта — исключенные из списка виды продукции стали нелегально поступать в Афганистан из стран Персидского залива, а затем в Пакистан через Пешавар и Кветту.

В стратегическом плане Афганистан не только обеспечивал пакистанским торговцам доступ к Центральной Азии, но и оставался ключевым элементом в формировании так называемого стратегического тыла в противостоянии Пакистана с Индией. Разгул бандитизма полевых командиров в Афганистане в начале 1990-х гг. наносил ущерб торговле, блокировал доступ Пакистана к странам Центральной Азии и препятствовал созданию даже минимальных условий безопасности. В этих условиях совместными усилиями пакистанских властей, корпораций афганских и пакистанских торговцев, а также ультраконсервативных афганских и пакистанских религиозных лидеров и училищ (медресе), проповедующих исламское течение Деобанди, на пуштунской основе было создано движение Талибан. Показательно, что первой крупной военной операцией талибов в Афганистане в октябре 1994 г. стало освобождение пакистанского торгового конвоя, блокированного одной из афганских вооруженных группировок на пути в Туркменистан⁴⁹. При этом укрепление позиций талибов в Афганистане отвечало не только экономическим, но и политическим интересам основного регионального игрока — Пакистана, который рассматривал движение Талибан как средство восстановления пуштунского господства в Афганистане и, соответственно, снижения остроты пуштунской проблемы в самом Пакистане.

Укрепление позиций движения Талибан в Афганистане не встретило противодействия и со стороны США и даже в каком-то смысле было им на руку, особенно в контексте американских экономических интересов в регионе. Из них особого внимания заслуживал проект строительства через территорию западного Афганистана (вдоль построенного еще в годы советского присут-

⁴⁸ The State of the Afghan Economy // Afghanistan Outlook, Office of the UN Coordinator for Afghanistan. — 1999. <<http://www.afghan-web.com/economy/econstate.html>>.

⁴⁹ Rubin B.R. Op. cit. — P. 1794.

ствия шоссе Кушка-Герат-Кандагар) газопровода⁵⁰ для перекачки газа из Давлатабадского месторождения в Турменистане до Мультана в пакистанском Пенджабе, с американским, а также саудовским, пакистанским и японским участием⁵¹. Осуществление столь масштабного проекта требовало стабилизации обстановки в Афганистане и обеспечения хотя бы минимальных условий безопасности — задача, решить которую, по мнению США, в сложившихся в середине 1990-х гг. условиях было по силам только талибам.

После взятия талибами Кабула в сентябре 1996 г. большинство отрядов Г. Хекматиара были разбиты или перешли на сторону движения Талибан, а сам Хекматиар бежал в Иран. Войска под командованием А. Масуда заняли оборону в Панджшерском ущелье на северо-востоке, а отряды под командованием генерала Абдуррашида Дустума — на северо-западе страны. К 1998 г. талибы уже распространили свой контроль на большую часть (до 90% и более) территории Афганистана, включая основную транспортную инфраструктуру страны — дороги, города, аэропорты и таможни. Действуя крайне жесткими методами, талибы сумели значительно ограничить локальный бандитизм полевых командиров на подконтрольных территориях и даже разоружить некоторые группировки моджахедов, а также ликвидировать множество внутренних торговых барьеров и наладить порядок в городах. Улучшение условий безопасности, в свою очередь, способствовало снижению риска и транспортных издержек для торговцев и укрепило позицию Афганистана как центра региональной теневой экономики, одной из основ которой, наряду с транзитной контрабандой, была торговля наркотиками афганского производства.

В целом к ситуации в Афганистане в 1990-е гг. вряд ли применим сам термин «легальная экономика» — в отличие, например, от предыдущего десятилетия, когда легальную, в основном городскую, экономику в районах правления НДПА можно было противопоставить теневой экономике в остальных районах страны. Скорее, для этого периода характерно практически полное размывание грани между теневой и остальной экономикой, когда, например, по одним и тем же транспортным коридорам перевозились как легальные (например, продукты питания), так и контрабандные потребительские товары, оружие, наркотики и т. п. Специфика экономической ситуации в Афганистане после вывода советских войск и последующего падения режима

---

⁵⁰ С перспективой параллельного сооружения нефтепровода, линии электропередачи и железной дороги.

⁵¹ Оценочная стоимость проекта, для осуществления которого в октябре 1997 г. был сформирован международный консорциум «Сентгаз», составила от двух до трех с половиной млрд долл. См. Афганистан: справочник. — С. 159.

НДПА состояла как раз в исключительно тесной взаимосвязи формальной и неформальной экономик и в размывании границы между ними.

В этой связи важно подчеркнуть, что обеспечение талибами относительной стабильности и порядка способствовало не только подъему теневой экономики и торговли, но и улучшению экономической ситуации в целом на контролируемой ими территории. Восстановление местных базаров и внутреннего товарообмена привело к постепенному выравниванию цен в различных районах (исключение продолжал составлять Кабул с его хроническим дефицитом продовольствия), способствуя, таким образом, восстановлению подобия общего внутреннего рынка — по крайней мере, на территории к югу от Гиндукуша. Курс доллара по отношению к местной валюте на контролируемой талибами территории упал более чем наполовину⁵². Такая политика талибов не только отвечала интересам афгано-пакистанских корпораций транзитных торговцев контрабандными товарами и создавала условия для дальнейшего роста производства опия, но и обеспечила *рост сельскохозяйственного производства в целом*. Так, в 1997–1998 гг. производство зерновых значительно возросло, достигнув в 1998 г. 3,85 млн т — т. е. самого высокого уровня с 1978 г.⁵³ Возросли и объемы животноводства, особенно в районах, контролируемых талибами. Тем не менее значительная часть афганского населения все еще зависела от импорта продовольствия или от иностранной гуманитарной помощи.

Производство и торговля наркотиками и борьба с ними в годы правления талибов

Обеспечение талибами даже относительной безопасности, прежде всего на дорогах, способствовало улучшению условий для сельскохозяйственного производства и торговли, что, в свою очередь, стимулировало дальнейший рост производства опия по всей территории Афганистана. В конце 1990-х гг. на контролируемых талибами территориях наступил настоящий опиный бум: в рекордном 1999 г. здесь выращивалось уже около 97% всего афганского мака и было произведено 79% всего нелегального опия в мире. Хотя в 2000 г. эта доля сократилась, она все равно составляла около 70% (тогда как на Мьянму, занимавшую второе место в мировом опином производстве, приходилось около 22%, а на Лаос — всего 3%). Около 80% всего героина, продававшегося в странах Европы в конце 1990-х гг., было произведено на

⁵² Афганистан: справочник. — С. 151; Давыдов А.Д. Указ. соч. — С. 26.

⁵³ The State of the Afghan Economy. — Ibid.

основе афганского опия. Кроме того, Афганистан оставался главным поставщиком опия, морфина и героина для Индии, центральноазиатских стран, ряда стран Аравийского п-ова и Восточной Африки. При этом значительная часть афганского опия оставалась в странах Среднего Востока — особенно в Пакистане и Иране, где, помимо традиционного курения опия, резко возросло потребление героина. Общее число потребителей опиатов в Пакистане (0,7 млн) и Иране (0,8–1,2 млн) постепенно приближалось к числу их потребителей в Западной Европе⁵⁴.

Резкий рост производства и экспорта опиатов в Афганистане в конце 1990-х гг., особенно по сравнению с главным конкурентом — Мьянмой, прослеживается на основании данных как УНП ООН, так и Бюро по борьбе с наркотиками и преступностью Госдепартамента США (даже несмотря на некоторые расхождения между этими источниками в оценке сравнительной динамики опийного производства в обеих странах). По данным ООН, Мьянма уступала Афганистану в производстве опия на всем протяжении 1990-х гг., однако в конце десятилетия разрыв между ними увеличился: в 1998 г. Афганистан произвел в 2 раза больше опия, чем Мьянма, в рекордном 1999 г. — уже в 5,2 раза, а в 2000 г. — в 3 раза больше⁵⁵. Сравнительный анализ американских данных о производстве опия в Афганистане и Мьянме показывает, что вплоть до 1997 г. Мьянма все еще производила несколько больше опийного сырья и опия, чем Афганистан. Лишь в 1998 г. Афганистан впервые ушел в отрыв и произвел в 1,34 раза больше опия, чем Мьянма. Эта тенденция сохранилась и усилилась по мере дальнейшего падения производства опия в Мьянме и его роста в Афганистане в последующие два года (вплоть до введения талибами запрета на культивирование мака): в 1999 г. Афганистан произвел уже в 2,62 раза больше опия, чем Мьянма, а в 2000 г. — в 3,37 раза больше⁵⁶.

В конце XX в. самые высокие урожаи опийного мака в мире собирали в контролируемых талибами Гильменде⁵⁷ и Нангархаре, на которые прихо-

⁵⁴ Число потребителей героина в Западной Европе в начале 2000-х гг. составляло 1–1,5 млн чел. *The Opium Economy in Afghanistan*. — P. 33.

⁵⁵ По данным УНП ООН по Афганистану и Мьянме: Table 16: Afghanistan opium production from 1990 to 2003 // *Afghanistan Opium Survey 2003*. — P. 47; Table 8: Potential Opium Production (1990–2003) // *Myanmar: Opium Survey 2003*. — Vienna: UNODC, June 2003. — P.12. Подробнее о сравнительном анализе опийного производства в Афганистане и Мьянме на протяжении 1990-х гг. см. в Главе 3, С. 160–161.

⁵⁶ *Afghanistan Statistics (1993–2002)* // *International Narcotics Control Strategy Report*. — Washington D.C.: U.S. Dep. of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Efforts, 2003. — P. VII–8 (далее везде INCSR–2003); *Burma Statistics (1993–2002)* // *INCSR–2003*. — P. VIII–13.

⁵⁷ В 2000 г., например, в Гильменде была собрана половина всего урожая опийного мака в Афганистане и произведено 39% всего мирового опия.

дилось три четверти всех маковых посевов в Афганистане. При этом площади посевов опийного мака расширялись и на территориях, контролируемых группировками, входящими в состав оппозиционного талибам Северного альянса (хотя гораздо больший доход группировке Масуда приносил экспорт драгоценных камней, а также печатание денег, а, например, важным источником дохода для формирований под командованием этнического узбека Дустума стал экспорт азотных удобрений в Узбекистан). Традиционным районом производства опийного мака оставался неконтролируемый талибами Бадахшан. На севере также несколько большее распространение, чем в других районах страны, получило производство гашиша и других наркотиков на основе каннабиса (конопли), например, *чарса*⁵⁸. В целом, несмотря на рост площадей культивирования опийного мака в Афганистане, оно все еще было преимущественно сосредоточено в нескольких провинциях — прежде всего, в Гильменде и Нангархаре, а также в Кандагаре, Бадахшане и Урузгане⁵⁹.

В конце 1990-х гг. к производству и торговле опиумом в той или иной степени было причастно от 30 до 50% населения Афганистана⁶⁰. При этом доходы самих афганцев от производства и торговли наркотиками были довольно скромными: с 1994 по 2000 г., общий среднегодовой доход крестьян от опиума населения страны составил около 150 млн долл. (или около 750 долл. в год на семью из 6—7 человек)⁶¹, причем часть этой суммы шла на уплату налогов талибам. В итоге выращивавшие мак афганские крестьяне получали не более 1%, а местные торговцы — не более 2,5% всей конечной прибыли от продажи афганских опиатов на международных рынках и в странах-потребителях⁶². В самом Афганистане торговля опиумом носила «дробный» характер: две трети всех торговцев продавали не более 100 кг опиума в год, а остальные — от 100 до 500 кг в год. Всего, по оценкам ООН, в конце 1990-х гг. в стране могло

⁵⁸ *Чарс* — распространенный в Афганистане наркотик из конопляной смолы, часто с добавлением опиума.

⁵⁹ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 36.

⁶⁰ Central Asia: Drugs and Conflict. International Crisis Group (ICG) Asia Report № 25. — Osh; Brussels, 2001. — P. 1.

⁶¹ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 8. Подробнее о неравномерном распределении этой прибыли между разными типами сельских производителей — например, относительно зажиточными и малоземельными крестьянами-арендаторами, не говоря уже о безземельных батраках-издольщиках — см. выше на С. 50—52.

⁶² Подробнее о распределении прибылей от торговли афганскими опиатами см. Von der Schulenburg M. Illicit Opium Production in Afghanistan // Afghanistan — A Country without a State? / Ed. by C. Noelle-Karimi, C. Schetter & R. Schlagintweit. — Frankfurt: IKO, 2002. — P. 129—137; см. также Afghanistan and Central Asia: Priorities for Reconstruction and Development. ICG Asia Report № 26. — Osh/Brussels, 2001. — P. 10.

насчитываться около 15 тысяч торговцев опиумом (т. е. на 13 крестьян, возделывающих опиумный мак и производящих опиум-сырец, приходился один торговец опиумом). Несмотря на то, что доходы местных афганских торговцев опиумом в среднем в 10 раз уступали доходам трансграничных перевозчиков, их вполне хватало на то, чтобы, например, купить участок земли или транспортное средство, заплатить выкуп за невесту или оплатить хадж в Мекку⁶³.

Хотя переработка опиумного сырья в морфин⁶⁴, а затем в героин⁶⁵ и их последующая перепродажа были значительно более прибыльны, чем культивирование мака и продажа опиум-сырца, афганские торговцы опиумом обычно довозили опиум до приграничной зоны⁶⁶, где происходила его дальнейшая переработка и откуда трансграничные кланы (например, афгано-пакистанские пуштунские группировки) уже везли его до следующей границы. Данные о масштабах и географии переработки афганского наркосырья в 1990-е гг. ограничены и фрагментарны. По всей вероятности, значительная часть опиума, производившегося в восточных районах Афганистана, перерабатывалась в так называемой племенной зоне — Северо-западной пограничной провинции Пакистана, не контролируемой пакистанскими властями. Переработка осуществлялась под контролем влиятельных наркокланов, например клана Африды, базировавшегося в Хайберском районе. На юге Афганистана часть опиума подвергалась переработке в морфиновую базу и в местных лабораториях, что упрощало его последующую транспортировку через одну или несколько границ. Лаборатории по производству морфина и героина действовали и на севере, вдоль границ со странами Центральной Азии — на территориях, контролируемых Северным альянсом, хотя наиболее значительный объем переработки афганского опиума приходился все же на Пакистан и Турцию.

На фоне вооруженного противостояния между талибами и оппозиционными им силами производство и торговля наркотиками в основном оставались ареной мирной конкуренции. Более того, именно способность талибов обеспечить сравнительную стабильность на контролируемой ими территории создала условия для бума наркопроизводства. Относительно неконфронтационный характер наркопроизводства и наркоторговли в Аф-

⁶³ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 13.

⁶⁴ Морфин — сильнодействующий наркотик, алкалоид опиума, основной представитель группы наркотических анальгетиков. Выделен из опиума французским ученым Ж.-Фр. Дероном в 1803 г.

⁶⁵ Героин — синтетический опиоид, впервые синтезированный в 1874 г. В 1889 г. синтезирован немецкой фармацевтической компанией «Байер» как болеутоляющее средство, в 10 раз более сильное, чем морфин.

⁶⁶ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 64.

ганистане на этом этапе еще раз подчеркивает приоритет экономических интересов в теневом бизнесе даже в условиях вооруженного противостояния и различия в поведении непосредственных участников вооруженного противостояния, целью которых является разгром военно-политических оппонентов, и тех экономических игроков, которые в любых условиях заинтересованы лишь в получении максимальной прибыли. Как уже отмечалось, в условиях конфликта интересы игроков первого и второго типа отнюдь не идентичны, хотя и тесно взаимосвязаны. Связующим звеном между ними является «экономика войны», которая, как показывает проведенный нами анализ, включает в себя не только ресурсную и финансовую базу ведения военных действий⁶⁷, но и использование военно-политического влияния, власти и вооруженного насилия как средства установления монополии на поборы с крестьян, торговцев и мелких предпринимателей и регулирования рынков.

В целом влияние конфликта на структуру торговли было далеко не однозначным: вооруженное противостояние способствовало разрушению одних и развитию других рынков и торговых маршрутов. Например, в Бадахшане наблюдался упадок торговли скотом с Кабулом из-за того, что в результате военных действий между талибами и Северным альянсом был блокирован основной маршрут, связывавший провинцию с центром страны; торговля же опиумом с Таджикистаном, напротив, набирала силу. Неудивительно, что, несмотря на высокий уровень взаимовлияния, интересы теневых экономических игроков и прямых участников вооруженного конфликта могли и не совпадать и даже расходиться. Так, даже тесные связи между трансграничной афгано-пакистанскими «транспортной мафией» и движением Талибан не гарантировали совпадения их интересов: торговцы, например, активно нарушали установленную талибами экономическую блокаду Хазараджата. То же самое относится и к связи между наркопредпринимателями и режимом талибов. Хотя талибы использовали производство и торговлю наркотиками как один из источников финансирования, проводимая ими политика могла отвечать интересам теневого бизнеса (например, наведение элементарного порядка на контролируемых ими территориях и ликвидация многочисленных внутренних торговых барьеров способствовали развитию трансграничной и транзитной наркоторговли), а могла и противоречить им.

Вопреки распространенному мнению о колоссальных доходах талибов от наркобизнеса, для движения Талибан эта сфера не была сверхприбыльной. Доход самих талибов от опия складывался из 10-процентного *ушра* на мак как на сельскохозяйственную культуру, собиравшегося непосредственно

⁶⁷ Об этой функции «экономики войны» см. выше, на С. 55–60.

с крестьян, а также из 20-процентного *закята* на торговлю опием и его производными, собиравшегося, однако, менее регулярно и не во всех областях. Вопреки распространенному мнению о том, что именно сборы с наркобизнеса служили основным источником финансирования военных и административных расходов талибов⁶⁸, их доходы от налогообложения производства и, частично, местной торговли опием значительно, в отдельные годы — почти в три раза (!), уступали доходам от региональной транзитной торговли контрабандными товарами, о которой речь шла выше. Так, по данным Всемирного банка, в 1997 г. доход талибов от транзитной торговли составил около 75 млн долл.⁶⁹, тогда как их доходы от налогообложения производства и торговли опием за тот же год составили всего лишь 27 млн долл. Такое соотношение налогов на опий и транзитную контрабанду отражало сравнительные доходы самих трансграничных торговцев от незаконного оборота наркотиков (от 720 млн до 1 млрд долл. в год в конце 1990-х гг.) и транзитной контрабанды потребительских товаров (около 2,5 млрд долл. в год)⁷⁰. Более высокая, по сравнению с наркоторговлей, прибыльность транзитной контрабанды для афганских посредников (и облагавших их налогами талибов) частично объяснялась значительной удаленностью основных рынков сбыта наркосырья. Если между Афганистаном и западными странами — конечными потребителями наркопродукции — существовала длинная цепь международных посредников, то основные потребители контрабандной электроники, бытовой техники, одежды, предметов обихода и других товаров, поставлявшихся по каналам региональной транзитной торговли, находились в самом регионе — в Пакистане, Иране и т. д. Еще одной причиной, по которой налогообложение наркоторговли для талибов было менее прибыльным, чем сборы с транзитной контрабандной торговли, был тот факт, что дальнейшая переработка опия, включая производство героина, на этом этапе все еще была в основном сосредоточена за пределами Афганистана.

Доход талибов от опия не превысил 45 млн долл. (из которых около 15 млн долл. составляли поступления от *ушра* и около 30 млн — от *закята*)⁷¹ даже в рекордном 1999 г. В этом году в Афганистане был собран беспрецедентно высокий урожай опия — 4600 т, а его стоимость, при средней цене в 58 долл. за кг, составила около 251 млн долл. Для сравнения, в те же годы доходы от наркобизнеса левоповстанческих группировок в Колумбии, власти которой уже многие годы ведут ширококомасштабные операции по борьбы

⁶⁸ См., например, Афганистан: справочник. — С. 162.

⁶⁹ Naqvi Z. F. Afghanistan-Pakistan Trade Relations. — Islamabad: World Bank, 1999. — P. 15–16.

⁷⁰ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 8, 12–13.

⁷¹ Schulenburg M. Op. cit.

с наркотиками при активном участии США, по некоторым данным, достигали 500 млн долл. в год⁷². В 2000 г. в менее благоприятных погодных условиях урожай мака в Афганистане упал до 3—3,6 тыс. т, а его общая стоимость составила около 91 млн долл. Пропорционально — как минимум в два с половиной раза — сократилась и сумма налогов, собранных талибами с производства и торговли наркотиками⁷³. Эти суммы несравнимы со сверхприбылями, которые получали группы, занимавшиеся транзитной торговлей наркотиками в региональном масштабе (после пересечения афганской границы прибыль наркоторговцев возрастала в 10 раз), не говоря уже о преступных группировках, контролировавших дальнейшие этапы международной торговли опиатами афганского происхождения (стоимость которых возрастала в 100 раз)⁷⁴, особенно розничную продажу героина в европейских странах, куда в основном и поступали произведенные на основе афганского сырья наркотики. По оценкам ООН, в начале 2002—2003 гг., когда объемы производства опия были сопоставимы с уровнем конца 1990-х гг., ежегодный оборот международной торговли афганскими опиатами достигал 30 млрд долл. США⁷⁵. Всего в переработке и торговле афганскими опиатами по цепочке из Афганистана в Европу было задействовано до полумиллиона человек⁷⁶. В целом торговлю афганскими опиатами на протяжении 1990-х — в начале 2000-х гг. отличал низкий уровень вертикальной интеграции, а львиная доля прибыли аккумулировалась за пределами не только самого Афганистана, но и региона в целом.

На этом фоне попытки талибов ограничить производство опия не выглядели чем-то из ряда вон выходящим. Руководство талибов выступало с соответствующими декларациями еще с 1996 г. В августе 1999 г. мулла Омар издал указ о сокращении площадей выращивания опиийного мака на треть, а 27 июля 2000 г. — указ о полном запрете на культивирование мака как на «запрещенный Аллахом» вид деятельности (*харам*). С приходом талибов к власти, т. е. с 1996 г., в их позиции по отношению к производству наркотиков намечалось все более явное противоречие между требованиями экономической и политической целесообразности, с одной стороны, и религиозными соображениями, с другой стороны. Объяснением тому, что на рубеже веков чаша

⁷² Подробнее о доходах колумбийских левоповстанческих группировок от наркобизнеса см. в Главе 2, С. 124—126.

⁷³ Afghanistan Annual Opium Poppy Survey 2001. — Islamabad: UNDCP, 2001. — P. 13; см. также Box 1. Taleban and Opium Economy // Merging Wars: Afghanistan, Drugs and Terrorism. Transnational Institute (TNI) Drugs and Conflict Debate Paper. — 2001. — Dec. — №. 3. — P. 8.

⁷⁴ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 13.

⁷⁵ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 3.

⁷⁶ Там же. — С. 4.

весов все же склонилась в пользу религиозного запрета на культивирование мака, мог служить ряд факторов, в том числе политико-стратегические и экономические соображения. Так, например, талибы могли рассчитывать на то, чтобы использовать запрет на выращивание мака в качестве разменной монеты в переговорах с международным сообществом и добиться таким образом смягчения международной, прежде всего экономической, изоляции режима и увеличения иностранной помощи на компенсационные выплаты крестьянам, прекратившим выращивать мак. Ужесточение международных санкций против движения Талибан могло нанести ущерб транзитной торговле, значительно более прибыльной для талибов, чем наркобизнес, поэтому возможно, что ради предотвращения ужесточения санкций они были готовы пойти на запрет опийного производства и отказ от доходов от него — тем более что это в полной мере соответствовало их религиозно-идеологическим приоритетам. Одним из аргументов в пользу запрета могло быть и снижение необходимости финансировать военные действия против внутренних оппонентов в свете серии военных успехов талибов конца 1990-х гг., укрепивших их военно-политическое господство в Афганистане.

Как показал сезон 2000–2001 гг., успех запрета талибов на культивирование мака на контролируемых ими территориях был *практически полным*. После двух десятилетий непрерывного роста площадь маковых посевов резко сократилась — по данным ООН, на 91% (!) — с 82 172 га в 2000 г. до 7606 га в 2001 г.⁷⁷ Особенно радикальным было сокращение посевов в двух основных районах возделывания мака — Гильменде и Нангархаре. В Гильменде, где в 2000 г. возделывалось более половины всех площадей маковых посевов в стране, в 2001 г. культивация была полностью (!) искоренена. В Нангархаре площадь маковых полей упала с 19 747 га в 2000 г. до всего лишь 218 га в 2001 г.⁷⁸ Исключительно высокая эффективность запрета талибов подтверждается и данными американских правительственных источников, согласно которым площадь маковых посевов в Афганистане сократилась с 64 510 га в 2000 г. до 1685 га в 2001 г.⁷⁹ и стала меньше, чем площадь маковых посевов в Пакистане (1697 га в 2001 г.)⁸⁰. Соответственно, на 94% (!) упало и производство опиия-сырца⁸¹, которое фактически сократилось до

⁷⁷ Afghanistan Annual Opium Poppy Survey 2001. — P. ii.

⁷⁸ Ibid. — P. ii.

⁷⁹ International Narcotics Control Strategy Report. — Wash. D.C.: U.S. Dep. of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Efforts, March 2002. — P. VII–7 (далее везде INCSR–2002).

⁸⁰ Ibid. — P. VII–28.

⁸¹ По данным ООН, оно сократилось с 3276 т в 2000 г. до 185 т в 2001 г. Afghanistan Annual Opium Poppy Survey 2001. — P. iii.

уровня середины 1980-х гг.⁸² Контролируя соблюдение запрета на производство опия, талибы не делали исключений ни для кого, а жесткая дисциплина и отсутствие коррупции в их рядах исключали возможность подкупа и взятки со стороны производителей или перекупщиков за разрешение продолжить возделывания мака. Нарушителей запрета подвергали аресту и выпускали только взамен на обязательство уничтожить маковые посевы. Поставленные в безвыходные условия крестьяне даже начали засеивать часть высвободившейся из-под мака земли пшеницей и сажать овощи⁸³.

Интересно, что в результате введенного талибами запрета предложение опия и морфина на рынках Западной Азии существенно уменьшилось, а предложение героина как в регионе, так и за его пределами оставалось практически неизменным⁸⁴. Это косвенно свидетельствует как раз о том, что, хотя ранее талибы и облагали налогами производство и частично торговлю опиумом, его дальнейшая переработка вплоть до производства героина ими в основном не контролировалась. Если учесть, что во второй половине 1990-х гг. талибы регулярно собирали лишь *ушр* с крестьян, выращивавших опийный мак, и испытывали большие трудности даже в обложении *закятом* торговцев опиумом, то можно предположить, что регулярное налогообложение подпольных лабораторий по производству героина, особенно в приграничных зонах, было и вовсе затруднено. Не получая, таким образом, сверхвысоких прибылей от переработки опия в героин, талибы в буквальном смысле слова могли себе *экономически* позволить кампанию по борьбе с производством героина. Так, еще в марте 1999 г., т. е. до знаменательного указа муллы Омара, талибы, по некоторым данным, закрыли две мини-фабрики по производству опиатов в Джелалабаде и еще 34 лаборатории в приграничных районах⁸⁵; за 2000 г. ими было ликвидировано до 25 лабораторий по производству опиатов⁸⁶.

Если талибы — в силу стратегических и религиозных причин — могли себе позволить отказаться от доходов от наркопроизводства, то для населения наркопроизводящих районов запрет на культивирование опия имел тяже-

⁸² Доклад Международного Комитета ООН по контролю за наркотиками за 2001 год. — Нью-Йорк: ООН, 2002. — С. 85. — пункт 471 (далее везде Доклад МККН). Об эффективности запрета талибов на выращивание опийного мака см. также, например, Gannon K. Taliban Virtually Wipes Out Opium Production in Afghanistan // Associated Press. — 2001. — 16 Feb.; Berak B. Taliban Ban on Drug Crops Is Working, U.S. Concludes // New York Times. — 2001. — 24 May.

⁸³ Afghanistan Annual Opium Poppy Survey 2001. — P. 21.

⁸⁴ Неудивительно, что героин в регионе стал доступнее опия. См. Доклад МККН. — С. 81. — Пп. 443—446.

⁸⁵ Афганистан: справочник. — С. 163.

⁸⁶ Доклад МККН. — С. 85. — пункт 474.

лые последствия. Наиболее заметным из них стал быстрый рост задолженности крестьян, распродавших свои запасы наркосырья. На этом примере особенно четко прослеживается *адаптационная функция наркопроизводства*, позволявшая крестьянам выживать во времена разрухи и конфликта и, в краткосрочном плане, смягчавшая для них экономические последствия войны. Однако в долгосрочном плане наркобизнес, львиная доля прибылей от которого оставалась за пределами страны, не мог претендовать на роль продуктивной экономической стратегии для Афганистана. При этом, как показала практика, лишь авторитарный фундаменталистский режим талибов был способен не только объявить, но и добиться практически полного соблюдения запрета на культивирование мака. Запрет талибов соблюдался даже несмотря на отсутствие государственной компенсации крестьянам (за исключением ограниченных выплат, производившихся за счет иностранной помощи)⁸⁷ и недовольство населения, наиболее сильное в восточных районах страны, граничащих с Пакистаном. Однако и там оно не переросло в вооруженное противодействие запрету на наркопроизводство — прежде всего благодаря тому, что в этих районах талибы эффективно применяли тактику «кнута и пряника», сочетая жесткие меры по контролю над соблюдением запрета с переговорами с местными кланами и уступками им по другим вопросам (талибам, например, удалось заключить союз с одним из крупнейших местных кланов Шинвари).

И все же, несмотря на жесткость и эффективность запрета талибов на выращивание мака, Афганистан и в 2001 г. оставался в числе ведущих поставщиков опиатов в мире. Отчасти это было связано с тем, что выращивание опийного мака на территориях, не контролируемых талибами, продолжалось. В 2001 г. на территориях, контролируемых оппозиционными талибам силами, где производство наркотиков не было запрещено, было засеяно 1600 га опийного мака (в сравнении с 85 га на остальной территории страны)⁸⁸ и получено около 80% афганского опия. В Бадахшане, например, площадь опийных посевов возросла более чем в два с половиной раза (с 2458 га в 2000 г. до 6342 в 2001 г.), в результате чего эта провинция вышла на первое место в Афганистане по объемам опийного производства (83% всех посевов)⁸⁹. В 2001 г. основную часть прибыли от налогообложения производства опийного мака, общая стоимость урожая которого упала до 56 млн долл. (на

⁸⁷ После введения талибами запрета на производство опия США заявили о выделении 1,5 млн долл. международным программам по контролю над наркотиками для компенсационных выплат афганским крестьянам. Талибы настаивали на увеличении этой суммы.

⁸⁸ INCSR—2002. — P. VII—3.

⁸⁹ Второе место в 2001 г. занял Саманган (8%). Afghanistan Annual Opium Poppy Survey 2001. — P. ii.

38% по сравнению с предыдущим годом)⁹⁰ получили уже не талибы, а Северный альянс. В целом за период с 1999 по 2001 г. доходы от наркобизнеса группировок, входивших в состав Северного альянса, выросли как минимум в три раза.

Другой причиной непрекращавшегося потока наркотиков из Афганистана могли быть значительные запасы опия в стране. Точный размер этих запасов трудно определить. С одной стороны, по некоторым данным, в отдельные годы до 60% всего выращиваемого опия складировалось для последующей продажи⁹¹. С другой стороны, по данным ООН на июль 2000 г., эти запасы составляли не более 220 т⁹². Наряду с продолжительной засухой, значительные запасы опийного мака в условиях затоваренности мирового рынка опиатами могли стать одной из причин, побудивших руководство талибов пойти на ограничение предложения за счет введения запрета на выращивание мака. Действительно, запрет привел к скачку цен на опий и его производные: по одним данным, от 30 долл. (урожай 2000 г.) до 300 долл. за кг в мае 2001 г.⁹³, по другим — от 44 долл. до 350–400 долл. за тот же период⁹⁴. В обоих случаях речь идет о десятикратном росте цен⁹⁵.

Рост цен, по идее, должен был создать более благоприятную конъюнктуру для распродажи накопившихся запасов. Однако такая ситуация продолжалась недолго: если в начале сентября 2001 г. наблюдался пик цены на опий (в некоторых случаях достигавшей 700 долл. за кг)⁹⁶, то после террористических атак 11 сентября 2001 г. в США цены на афганский опий упали до 180 долл. за кг, а к концу сентября — до 90 долл. за кг⁹⁷. Указывая на существенное снижение предложения опия и морфина в результате введенного талибами запрета, эксперты ООН склонны связывать начавшийся после сентября 2001 г. выброс на рынок большого количества опиатов из имевшихся

⁹⁰ Afghanistan Annual Opium Poppy Survey 2001. — P. 13.

⁹¹ Perl R.F. Taliban and the Drug Trade. Congressional Research Service (CRS) Report for Congress. — Wash. D.C., 5 Oct. 2001. — P. 2.

⁹² Global Illicit Drug Trends 2001. — N.Y.: UNODCCP, 2001. — P. 231.

⁹³ Amirkhizi M. Illicit Drugs and Organized Crime: The Impact of Recent Developments in Afghanistan (Statement by Senior Policy Advisor to the UN ODCCP Executive Director) // Summary Report, Bishkek International Conference on Enhancing Security and Stability in Central Asia: Strengthening Comprehensive Efforts to Counter Terrorism. — Bishkek, 13/14 Dec. 2001. — P. 58.

⁹⁴ Perl R.F. Op. cit. — P. 2.

⁹⁵ Данные о 10-кратном росте цен на опий в 2000–2001 г. подтверждаются и УНП ООН: Афганистан: обзор по опию в 2003 году. Резюме. Окт. 2003 г. — С. 4.

⁹⁶ См., например, Guggenheim K. Afghanistan's Anti-Drug Efforts Could Be Casualty of Terrorism Fight // Associated Press. — 2001. — 26 Sept.

⁹⁷ Amirkhizi M. Op. cit. — P. 58.

запасов уже непосредственно с начавшейся военной кампанией США и их союзников в Афганистане⁹⁸. Таким образом, если продолжать настаивать на том, что талибы рассчитывали заработать на росте цен на опий в условиях запрета на культивирование мака, то придется признать, что теракты 11 сентября и последовавшее за ними обострение ситуации вокруг Афганистана серьезно подорвали эти расчеты.

Накануне введения талибами жесткого запрета на наркопроизводство Афганистан поставлял 70% всего опия на мировой рынок, а целый ряд стран и регионов снабжались почти исключительно опиатами афганского происхождения. В этих условиях внезапное резкое прекращение производства опия в Афганистане в результате введенного талибами запрета (даже несмотря на постепенную распродажу запасов опия-сырца) должно было очень сильно ударить по интересам международной наркомафии, угрожая подорвать героиновые рынки Европы и других регионов, особенно в случае, если запрет талибов продолжал бы действовать и в последующие годы⁹⁹. Однако теракты 11 сентября 2001 г. направили всю мощь американской военной машины против режима талибов, распад которого означал и развал жесткого режима по контролю над наркотиками в Афганистане.

§ 3. Расцвет наркобизнеса на фоне попыток восстановления мира в постталибском Афганистане

Начавшаяся в октябре 2001 г. военная операция США и их союзников в Афганистане, которая была поддержана группировками Северного альянса, усиленного российской военной помощью, уже к концу 2001 г. привела к устранению от власти движения Талибан. С падением авторитарного фундаменталистского режима талибов ситуация в области контроля над наркотиками в Афганистане ухудшилась, а расширенное производство опийного мака возобновилось. В конце своего правления талибы сумели обеспечить, хотя и весьма варварскими методами, соблюдение жесткого запрета на производство опия. Однако эти задачи оказались не по силам пришедшему им на смену прозападному правительству во главе с Хамидом Карзаем, несмотря на иностранную помощь и поддержку Международных сил содействия безопасности.

Прежде чем перейти к анализу ситуации в области производства и торговли наркотиками в постталибский период, следует определиться с тем, на-

⁹⁸ Доклад МККН. – С. 81. – Пункт 443.

⁹⁹ The Opium Economy in Afghanistan. – P. 32.

сколько этот период может именоваться «постконфликтным» и привело ли устранение талибов от власти к прекращению вооруженного противостояния в Афганистане. С одной стороны, структурированному вооруженному противостоянию второй половины 1990-х гг. между талибами и оппозиционными им силами был положен конец. Перспектива «исламской альтернативы» в лице талибов как способа централизации Афганистана если и не была разрушена окончательно, то была существенно подорвана на обозримое будущее. С другой стороны, с развалом режима талибов кланово-племенная раздробленность в Афганистане обрела второе дыхание. Правительство Карзая, при поддержке извне, контролировало ситуацию в Кабуле, но политическая и военная власть на местах вновь почти безраздельно оказалась в руках региональных и кланово-племенных лидеров, а также полевых командиров. И хотя нельзя сказать, что Афганистан начала 2000-х гг. полностью вернулся к состоянию хаоса и серии мини-конфликтов между различными группировками моджахедов первой половины 1990-х гг., децентрализация и фрагментация военно-политического потенциала и нежелание региональных лидеров и полевых командиров делиться своей властью и влиянием с прозападным центральным правительством были налицо.

Сохранявшееся в стране американское и международное военное присутствие, подкрепленное постоянной угрозой возобновления «точечных» американских бомбардировок под предлогом борьбы с терроризмом, имело двойственное значение: оставаясь фактором сдерживания местных вооруженных группировок и основной гарантией безопасности центрального режима, оно одновременно провоцировало вооруженные вылазки с их стороны. Впрочем, в силу крайней ограниченности международного военного присутствия, сопротивление иностранным войскам со стороны местных вооруженных группировок в начале 2000-х гг. также носило ограниченный и фрагментарный характер (особенно по сравнению с сопротивлением советским войскам в 1980-е гг.).

Итак, хотя вооруженное противостояние в постталибском Афганистане не прекратилось полностью, его интенсивность снизилась, а вектор изменился. Налицо была дальнейшая фрагментация вооруженного насилия и в каком-то смысле — его возвращение в более традиционное для Афганистана русло кланово-племенных междоусобиц и сопротивления региональных группировок укреплению и централизации государственной власти. Вопрос о том, насколько этот период можно считать «постконфликтным» этапом «восстановления мира» (и что вообще подразумевает «восстановление» мира в условиях Афганистана), остается открытым. Для нас важнее то, что на этом этапе на первый план в ряду внеэкономических факторов и условий развития наркобизнеса вышло не столько открытое вооруженное

противостояние (которое стало менее интенсивным, более локализованным и фрагментарным и в какой-то мере приобрело более традиционные для Афганистана формы), сколько образовавшийся вакуум государственной власти.

Его влияние на экономику страны проявилось хотя бы в том, что если талибы сумели обеспечить относительную безопасность основных торговых путей и монополизировать контроль над ними, то в постталибский период условия безопасности на дорогах вновь ухудшились. Началось восстановление многочисленных местных тарифов и таможенных барьеров, а региональные лидеры вновь стали аккумулировать львиную долю налоговых сборов с контрабандной торговли. В частности, губернатор Герата отказался делиться с Кабулом доходами от контрабандной торговли и даже самостоятельно вложил часть из них в восстановительные работы на контролируемой им территории.

Если с прекращением военных действий роль производства и незаконного оборота наркотиков в финансировании «экономики войны» снизилась, то остальные функции наркобизнеса — его роль как одной из основ региональной теневой экономики и адаптационная функция для целых слоев сельского населения — не только сохранили свою актуальность, но и продолжали набирать силу. Более того, снижение интенсивности вооруженных действий даже способствовало развитию наркоторговли, которая к тому же позволяла торговцам компенсировать некоторые потери от восстановления барьеров на пути транзитной контрабандной торговли в условиях этнополитической раздробленности. Все это, в сочетании со снятием жестких ограничений на развитие наркобизнеса после разгрома режима талибов и общим ослаблением центральной государственной власти, создало стимулы не только к возобновлению широкомасштабного культивирования опийного мака, но и к росту масштабов его переработки в опиаты, в том числе в героин, на территории самого Афганистана.

Рост производства и незаконного оборота опиатов в постталибский период

Ущерб, понесенный афганскими крестьянами в результате жесткого запрета талибов на выращивание мака, в сочетании с засухой и недостатком кредитов, инвентаря, удобрений для ведения альтернативного сельскохозяйственного производства и рынков сбыта наркозамещающих культур, ухудшил их положение. Монетизация займов (которые предполагалось отдавать опиём-сырцом, а после прекращения выращивания мака пришлось отдавать деньгами) увеличила задолженность крестьян посредникам и торговцам.

В районах, где до запрета 2000 г. возделывался мак, многие крестьяне были вынуждены забивать и распродавать скот или эмигрировать в Пакистан в поисках заработка. Это отчасти объясняет, почему еще до полного разгрома талибов — на фоне обострения обстановки вокруг Афганистана после терактов 11 сентября 2001 г., отвлекшего силы талибов на противостояние внутренней оппозиции и внешнему вмешательству, — афганские крестьяне возобновили производство опия с удвоенной силой, даже несмотря на падение цен на него. Окончательный развал жесткого и, по афганским меркам, централизованного режима талибов, фрагментация власти и слабость пришедшего на смену талибам временного правительства, способного контролировать лишь Кабул и ряд прилегающих районов, да и то с помощью внешних сил, способствовали дальнейшему расширению производства наркотиков.

В результате площадь культивирования мака в Афганистане, по оценкам США, возросла с минимальной (1685 га) в 2001 г. до 30750 га в 2002 г., т. е. более чем в 18 раз¹⁰⁰. УНП ООН оценила площадь культивирования мака в 2002 г. в два раза выше, чем американские источники — в 74 тыс. га (или 3400 т опия)¹⁰¹. Афганистан, таким образом, вернул себе место крупнейшего производителя опия в мире¹⁰². Несмотря на возобновление культивирования мака в таких масштабах, американские эксперты некоторое время продолжали настаивать на том, что его уровень в 2002 г. был «значительно сокращен» по сравнению с рекордно высоким уровнем конца 1990-х гг.¹⁰³, не принимая во внимание тот факт, что опийное производство просто еще не успело полностью восстановиться после запрета талибов. Об этом свидетельствовал дальнейший рост производства опия в последующие годы: в 2003 г. площадь культивирования мака увеличилась до 80 тыс. га (т. е. еще на 8%, по сравнению с 2002 г.) и стала сопоставимой с площадью посевов 2000 г. (до указа муллы Омара), составившей 82 тыс. га. В итоге по площади посевов мака 2003 год занял третье место в истории Афганистана, а по урожаю — второе (в 2003 г. производство опия возросло еще на 6% и достигло 3600 т)¹⁰⁴. Уже в следующем, 2004 году площадь маковых посевов в Афганистане достигла самых больших размеров за всю историю страны¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Из собранного в 2002 г. мака было произведено 1300 т опия-сырца. INCSR-2003. — P. VII-3.

¹⁰¹ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 7.

¹⁰² А также значительного производителя каннабиса.

¹⁰³ INCSR-2003. — P. VII-4.

¹⁰⁴ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 7; Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 5.

¹⁰⁵ International Narcotics Control Strategy Report. — Wash. D.C.: U.S. Dep. of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Efforts, 2004. — P. 241 (далее везде INCSR-2004).

При этом наблюдалась опасная тенденция: под посевы мака все чаще отводились наиболее плодородные орошаемые земли. Хотя посевы мака занимали лишь 1% всех обрабатываемых земель и 3% всех орошаемых земель в стране, в зонах наркопроизводства под него отводилось в среднем 10%, а в отдельных районах — более 50% орошаемых земель¹⁰⁶. Рост использования под посевы мака орошаемых земель был частично связан с активизацией (!) работ по восстановлению систем ирригации. Проведение восстановительных работ стало возможным вследствие прекращения широкомасштабного вооруженного противостояния и возобновления иностранной социально-экономической помощи. Если на протяжении 1990-х гг. система водораспределения в некоторых районах была разрушена настолько, что не позволяла выращивать даже мак, то частичное восстановление этой системы зачастую вело к тому, что искусственно орошаемые поля отводились не под продовольственные или другие легальные культуры, а под коммерческое производство опийного мака.

Изменения коснулись и распределения опийного производства по регионам Афганистана. Если в первый год после распада режима талибов — в 2002 г. — 78% всех засеянных маком площадей и 77% всего произведенного опия, как и в предыдущее десятилетие, было сосредоточено в трех провинциях — Гильменде (на который пришлось 40% всех маковых полей в стране), а также Нангархаре и Бадахшане, за которыми с большим отрывом следовали Урузган и Кандагар¹⁰⁷, то уже в следующем году ситуация изменилась.

Во-первых, культивирование мака стало менее интенсивным в некоторых традиционных районах его возделывания. В 2003 г. площадь маковых полей в главной «опийной провинции» 1990-х — Гильменде — упала на 49%, достигнув самого низкого уровня с 1994 г. (исключая лишь 2001 г. — год действия запрета талибов) и составив лишь 19% всех посевов мака в стране. На 23% сократилась и площадь посевов мака в Кандагаре, составившая не более 5% общей площади маковых полей в стране. На первое место вышел Нангархар (23% всех посевов), где, несмотря на рост производства к югу от Хайберского прохода, соединяющего Кабул с Пешаваром, оно значительно упало в северных районах, включая Джелалабад¹⁰⁸. Эксперты ООН склонны объяснять сокращение площадей мака в ряде основных районов его возделывания возобновлением борьбы с наркотиками, которое привело к свертыванию маковых посевов, по крайней мере, в непосредственной близости от крупных городов и вдоль основных транспортных арте-

¹⁰⁶ Афганистан: обзор по опио в 2003 году. — С. 5.

¹⁰⁷ INSCR-2003. — P. VII—6.

¹⁰⁸ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 36, 38—39.

рий¹⁰⁹. Однако это сокращение отчасти компенсировалось тем, что, например, в Гильменде и Кандагаре опийные поля просто переместились в более отдаленные и менее доступные районы, включая горные долины и склоны. В Урузгане площадь посевов мака (достигшая в 2003 г. 9% общей площади маковых полей в стране) также увеличилась в основном за счет роста культивации в отдаленных и труднодоступных районах провинции.

Во-вторых, на фоне некоторого падения производства опия в ряде южных и восточных районов страны вполне предсказуемым и закономерным был его дальнейший рост на севере Афганистана — особенно в Бадахшане вдоль границы с Таджикистаном. Если в рекордном для этой провинции 2001 г. (когда на большей части остальной территории Афганистана действовал жесткий запрет талибов), площадь маковых полей здесь возросла почти в три раза (на 152%), то в 2002 г. рост составил 32%, а в 2003 г. — 55%. В результате к 2003 г. на Бадахшан пришлось уже 16% всех площадей культивирования мака в стране (т. е. в 7 раз больше, чем в 1994 г.). Причем если раньше в Бадахшане мак в основном выращивался на менее плодородных землях дождевого орошения, то теперь под него в основном стали отводить орошаемые земли (в 2003 г. уже 95% всех маковых полей в Бадахшане приходилось на орошаемые земли). Рост урожайности мака на орошаемых землях уже в 2003 г. позволил увеличить производство опия в Бадахшане на 93% (!)¹¹⁰.

Не менее тревожной тенденцией стало распространение коммерческого производства опия на новые районы, в том числе те, где он раньше вообще не выращивался или где его культивирование было минимальным. В результате в 2003 г. культивированием опийного мака было охвачено 28 из 32 афганских провинций¹¹¹, причем уже четверть всех маковых полей в стране возделывалась вне традиционных районов производства мака, где оно было сосредоточено в предыдущие десятилетия¹¹². Наибольший рост пришелся на центральные провинции Афганистана, где транспортная инфраструктура была наименее развита. В 2003 г. в выборку ООН впервые попали Бамиан и Вардак, а самый резкий рост площади культивирования опия — на 72% (с нуля до 5% общей площади маковых полей с 2002 по 2003 г.) — наблюдался в провинции Гор, вышедшей по этому показателю на пятое место, оттеснив Кандагар¹¹³. Сокращение площадей возделывания мака на севере Нан-

¹⁰⁹ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 39, 76.

¹¹⁰ Ibid. — P. 36, 42.

¹¹¹ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 5.

¹¹² Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 36. Если в 2002 г. половина всей площади маковых полей в стране была сосредоточена в 13 провинциях, то в 2003 г. — уже в 17. Ibid. — P. 37.

¹¹³ Ibid. — P. 36, 43; Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 6.

гархара в значительной мере компенсировалось его параллельным ростом в более труднодоступных провинциях к северу от Нангархара — Лагмане и Кунаре¹¹⁴. Даже в северо-западных районах страны, где возделывание опийного мака традиционно было минимальным и на которые в совокупности приходилось не более 6% общей площади маковых полей в стране, с 2002 по 2003 г. культивирование мака возросло в восемь (!) раз.

По мере распространения опийного производства по территории страны росло и число крестьян, выращивавших мак. В 2003 г. опийный мак возделывали уже 264 тыс. афганских семей, на каждую из которых в среднем приходилось чуть более 1 джариба¹¹⁵, или около 0,3 га, маковых посевов. При среднем размере семьи в 6–7 человек, наркопроизводство обеспечивало существование около 1,7 млн человек, или 7% всего населения страны (не считая занятых в переработке и незаконном обороте наркотиков)¹¹⁶. По мере роста предложения цены на опий-сырец снижались¹¹⁷, что вело к сокращению выручки крестьян, выращивавших мак — с 1,2 млрд долл. в 2002 г. до 1,02 млрд долл. в 2003 г. (что было эквивалентно 23% ВВП Афганистана за тот же год)¹¹⁸. Несмотря на это, производство мака оставалось более прибыльным и стабильным, чем выращивание многих других культур. Если возделывание 1 га пшеницы — основной альтернативной опийному маку культуры — приносило около 220 долл. в год, то среднегодовой доход семьи, ведущей опийное производство на участке, средний размер которого не превышал 0,3 га, в 2003 г. составил около 3900 долл. (что в десять раз превышало зарплату полицейского или учителя)¹¹⁹. Соответственно, средний доход от производства опия на душу населения, выращивавшего мак (594 долл. на человека), более чем в три раза превышал средний доход на душу населения по стране (не более 184 долл. в год)¹²⁰.

¹¹⁴ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 40.

¹¹⁵ 1 джариб — мера площади в ряде мусульманских стран (в зависимости от страны составляет от 1260 до 1592 кв. м). В Афганистане приблизительно равно 1/5 (0,2) га.

¹¹⁶ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 6. По данным Азиатского банка развития, общее число населения Афганистана в 2003 г. составляло около 24 млн чел. Asia Development Bank Annual Report 2002. — Manila: ADB, 2003. — P. 101.

¹¹⁷ За один год цены упали на 19%: с 350 долл. за кг в 2002 г. до 283 долл./кг в 2003 г.). Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 6.

¹¹⁸ 4,4 млрд долл. в 2003 г.

¹¹⁹ Среднегодовой доход семьи, выращивающей мак, сильно варьировался от региона к региону (от 1700 долл. на севере до 6800 в отдельных районах на юге страны). Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 7; см. также Afghanistan's Anti-Poppy Drive Is Off To Shaky Start // EurasiaNet. — 2004. — 3 Jun.

¹²⁰ Афганистан: обзор по опию в 2003 году. — С. 7.

Доходы торговцев опиумом внутри Афганистана, составившие в 2003 г. около 1,3 млрд (или 56% внутреннего дохода от опиума)¹²¹, лишь немногим превышали доходы крестьян от производства опиума-сырца (1,02 млрд). При этом совокупный доход от опиума крестьян и местных торговцев превысил 50% ВВП Афганистана. Новыми тенденциями во внутриафганской торговле наркотиками стало перемещение местных рынков в более отдаленные места¹²² и рост масштабов переработки опиума в героин в самом Афганистане¹²³. О значительном росте числа лабораторий по производству морфина и героина в самом Афганистане свидетельствовали и участвовавшие изъятия героина на ирано-афганской и таджикско-афганской границах, а также перехват поставок в Афганистан ангидрида уксусной кислоты — химического наркотического препарата (прекурсора), необходимого для производства героина. Многочисленные лаборатории в Нангархаре и Гильменде были небольшими и мобильными, что крайне затрудняло их обнаружение и уничтожение. Героиновые лаборатории в районе Файзабада (провинция Бадахшан) потребляли столько дров, что цены на них значительно выросли и стали недоступными для местных жителей¹²⁴.

Что касается дальнейшего наркотрафика, то после падения режима талибов роль Пакистана как транзитной страны для перевозки афганских опиатов в Иран и Турцию для их дальнейшей транспортировки в Европу по маршрутам балканского пути возросла. В 2002 г. в Пакистан была вывезена половина всего произведенного в Афганистане морфина и героина (66% поступившего в Пакистан героина и морфина затем было переправлено в Иран для дальнейшего транзита)¹²⁵. Основной объем афганских опиатов поступал в пакистанскую часть Белуджистана на юге или в Северо-западную пограничную провинцию («племенную зону»). Из Пакистана наркотики вывозились наземными маршрутами через Иран, поступая в иранский Белуджистан, или по морю через макранское побережье, или по воздуху через международные аэропорты основных городов. Кроме того, часть афганских опиатов, поступавших в «племенную зону» на северо-западе Пакистана, через Читрал вновь попадала на афганскую территорию в районе Белуджистана для дальнейшего транзита через страны Центральной Азии. Изменились и формы трансграничного оборота наркотиков. Рост цен на героин в Пакистане (до 6 тыс. долл. США за 1 кг) способствовал дальнейшей фрагмента-

¹²¹ Афганистан: обзор по опиуму в 2003 году. — С. 29.

¹²² INSCR—2003. — P. VII—6.

¹²³ Афганистан: обзор по опиуму в 2003 году. — С. 7.

¹²⁴ INSCR—2003. — P. VII—6.

¹²⁵ The Opium Economy in Afghanistan. — P. 164.

ции наркоторговли, т. е. увеличению доли более мелких партий — от 20 до 100 кг — в общем обороте наркотиков, а значит, и росту числа перевозчиков с целью снизить риск изъятия и потенциальной потери вложенных средств¹²⁶.

Параллельное ужесточение мер по борьбе с наркотиками в Иране заставило транзитных торговцев активнее использовать другие возможные пути транспортировки наркотиков, усилив давление на центральноазиатские маршруты «шелкового пути». Оценки сравнительного значения двух основных путей поступления наркотиков в Европу — традиционного балканского и нового центральноазиатского — значительно разнятся. По данным иранского правительства, через территорию этой страны и в начале XXI в. проходило 65% всего трафика афганских опиатов (которые затем переправлялись в Европу по балканскому пути). Эти данные подтверждаются и американскими источниками, согласно которым по балканскому пути в Европу поступало 60–70% всего героина, произведенного на основе афганского сырья¹²⁷. В то же время, по оценкам УНП ООН, из всех соседей Афганистана, наибольшая прибыль от транзита афганских опиатов (2,2 млрд долл. в 2002 г.) в начале 2000-х гг. уже приходилась на группировки, действовавшие в странах Центральной Азии, за которыми следовали Иран (1–1,3 млрд долл.) и Пакистан (400–800 млн долл.)¹²⁸. Таким образом, вряд ли можно с уверенностью утверждать об абсолютном преобладании в начале XXI в. одного из двух основных путей транзита афганских опиатов в Европу над другим.

Причины ограниченной эффективности борьбы с наркотиками

Несмотря на спорадические всплески сопротивления иностранным и правительственным войскам и традиционные межплеменные трения, общий уровень интенсивности вооруженного противостояния в Афганистане в первые годы постталибского периода снизился, что, однако, не повлекло за собой сокращение производства опия. В условиях перехода от жесткого и, по афганским меркам, централизованного режима талибов к слабому полумарионеточному правительству Карзая, не контролировавшего большинство районов страны, прекращение масштабных военных операций (подобных наступлениям талибов на позиции Северного альянса в конце 1990-х гг.)

---

¹²⁶ INCSR–2003. – P. VII–24.

¹²⁷ Ibid. – P. IX–25–27.

¹²⁸ The Opium Economy in Afghanistan. – P. 15.

стало дополнительным фактором, облегчившим дальнейший рост и коммерциализацию опийной экономики. Хотя наркопроизводство в Афганистане росло умеренными темпами, его рассредоточение и распространение на большинство районов страны еще более затрудняли борьбу с ним.

Хотя адаптационная функция опийного производства как средства выживания для сельского населения сохранялась (несмотря на то, что с увеличением предложения и падением цен на опий доходы крестьянских семей, возделывающих мак, несколько сократились), роль наркотиков в «экономике войны» уменьшилась в результате снижения интенсивности вооруженного противостояния. В этих условиях коммерческо-теневая основа опийной экономики приобрела самодовлеющее значение и на первый план вышли интересы, потребности и закономерности развития наркобизнеса как части регионального и мирового незаконного оборота наркотиков. Таким образом, на этапе так называемого «постконфликтного восстановления» Афганистана сложились весьма благоприятные условия для расцвета опийной экономики как *формы теневого бизнеса*.

Это не означает, что правительство Карзая не предпринимало усилий по борьбе с наркотиками. 17 января 2002 г. временное правительство Афганистана, под нажимом международного сообщества, издало указ о запрете культивирования, производства, переработки, незаконного оборота и потребления наркотиков. Январский указ правительства Карзая не мог сказаться на урожае 2002 г., так как к тому времени большинство маковых полей было уже засеяно. Однако и в дальнейшем зона действия запрета на выращивание мака ограничивалась исключительно теми районами, которые более или менее контролировались центральным правительством, при поддержке международных коалиционных сил, или непосредственно связанными с ним региональными лидерами — т. е. территорией и ближайшими окрестностями крупных городов и зонами вдоль основных транспортных путей¹²⁹.

Нельзя сказать, чтобы афганские власти, при международной поддержке, не принимали мер по реализации этой и других деклараций по борьбе с наркотиками в Афганистане. Первоначальное создание в этих целях при правительстве межведомственной государственной комиссии по контролю над наркотиками себя не оправдало, так как борьба с наркотиками требовала более централизованных и сосредоточенных усилий. Под нажимом со стороны западных стран, прежде всего Великобритании и США, в сентябре — октябре 2002 г. функции контроля над наркотиками были включены в сферу компетенции Национального совета безопасности, в рамках которого был создан Отдел по борьбе с наркотикам. Четыре основных направле-

¹²⁹ Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 76.

ния работы отдела включали создание альтернативных источников дохода для крестьян, правоохранительные и полицейские меры, реформу законодательства (включая разработку нового Закона по борьбе с наркотиками, полностью отвечающего международным нормам), а также сокращение спроса на наркотики. В планах правительства была также организация в рамках Министерства внутренних дел специального управления по борьбе с наркотиками в составе трех подразделений: по сбору и обработке информации, расследованиям и перехвату наркотиков, а также создание пограничной полиции¹³⁰. Тем не менее усилия по реализации запрета на производство и торговлю опиумом в Афганистане не приобрели системного характера и не принесли ощутимых результатов. Сообщения об изъятиях наркотиков и аресте наркоторговцев в Кабуле и в отдельных регионах страны, а также, например, о закрытии опийных базаров в Нангархаре и Гильменде носили отрывочный характер, а систематического сбора данных о прогрессе в области искоренения посевов мака не велось.

Уже весной 2002 г. временное афганское правительство, при поддержке Великобритании, начало *кампанию по искоренению посевов* опийного мака, прежде всего в Гильменде и Нангархаре. В соответствии со специальным исполнительным приказом Временной администрации от 3 апреля 2002 г., за уничтожение посевов мака крестьянам полагалась денежная компенсация¹³¹. Однако размер компенсаций был явно заниженным и, кроме того, они постоянно урезались. Например, в ряде районов Нангархара вместо обещанных вначале 350 долл. за джариб размер компенсации сократился до 50–70 долл. за джариб¹³². Естественно, это вызывало недовольство и протесты со стороны крестьян: так, в районе Джелалабада крестьяне требовали за отказ от возделывания мака сумму в 3 тыс. долл. за га вместо предложенных правительством 350 долл. за га¹³³. Уже к 2003 г. программа компенсационных выплат провалилась, и правительство вынуждено было пытаться использовать другие меры для поощрения отказа от возделывания мака — например, предоставление крестьянам небольших займов и субсидирование производства наркозамещающих культур. Однако, как показывает практика, в случае вынужденного отказа от выращивания мака крестьяне предпочитали не заниматься введением альтернативных легальных культур, а отправляться на заработки в Пакистан. Не возымели действия и попытки новых властей пойти по стопам талибов и воззвать к религиозному чувству

¹³⁰ INSCR–2003. – P. VII–5.

¹³¹ Ibid. – P. VII–4.

¹³² Goodhand J. Op. cit. – P. 7.

¹³³ Ibid.

крестьян, разъясняя им, что производство и торговля наркотиками, не говоря уже об их употреблении, противоречат принципам ислама. В отсутствие жесткого контроля и репрессивного аппарата талибов, религиозные доводы, особенно со стороны новой прозападной власти, не обладавшей высоким морально-религиозным авторитетом, были бессильны.

Главным и практически единственным рычагом давления в распоряжении вооруженных правительственных чиновников, ездивших по деревням с целью убедить крестьян отказаться от выращивания мака, была угроза крупных штрафов в случае неподчинения¹³⁴. Хотя, например, в Нангархаре в ряде случаев крестьяне блокировали на подступах к своим деревням тракторы, на которых приезжали государственные чиновники, в большинстве случаев угроза наложения штрафов за нарушение запрета трансформировалась в выплату чиновникам взятки — фиксированной суммы (около 50 долл. за джариб), которой было достаточно для того, чтобы они закрыли глаза на продолжение производства. Таким образом, на местах не столько государство компенсировало крестьянам производство опиума, сколько крестьяне давали взятку государственным чиновникам за возможность продолжать выращивать опиумный мак. Нередко, предприняв показательные акции по искоренению посевов на одних участках, чиновники за взятки предоставляли 8-дневную отсрочку для уничтожения посевов мака на других участках, что давало крестьянам достаточно времени для того, чтобы успеть собрать маковую смолу¹³⁵. Конечно, связанная с наркотиками коррупция не ограничивалась местным и региональным уровнем. И хотя нельзя сказать, что политика правительства Карзая на национальном уровне в том или ином виде поощряла производство и незаконный оборот наркотиков или отмыwanie средств, полученных от наркобизнеса, исключать причастность к этим видам деятельности ряда высших государственных чиновников тоже нельзя¹³⁶.

Всего, по данным афганских властей, достоверность которых не поддается проверке, на октябрь 2003 г. в стране было ликвидировано 21 430 га посевов опиумного мака¹³⁷. Попытки представить меры по искоренению посевов мака, предпринятые в этот период, как основную причину, по которой уровень наркопроизводства в 2002–2003 гг. все еще недотягивал до рекордно

¹³⁴ Afghanistan: Focus on Poppy Eradication // UN Office for Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) Integrated Regional Information Network (IRIN). — 2003. — 21 Jan. <<http://www.irinnews.org/report.asp?ReportID=31836>>.

¹³⁵ Afghanistan's Anti-Poppy Drive Is Off To Shaky Start. Ibid.

¹³⁶ INCSR-2003. — P. VII–5–VII–6.

¹³⁷ Афганистан: обзор по опиуму в 2003 году. — С. 7. Подробнее о мероприятиях по искоренению посевов опиумного мака см. Annex 8 «Opium poppy eradication as reported by the Afghan authorities» // Afghanistan Opium Survey 2003. — P. 95–96.

высокого уровня конца 1990-х гг.¹³⁸, малоубедительны. В начале 2000-х гг. опиийное производство просто еще не успело полностью восстановиться после действительно жесткого и эффективного запрета талибов. Впрочем, те же источники вынуждены признать, что искоренение посевов никак не сказалось на объемах производства опия в Афганистане¹³⁹. На этом фоне поставленная правительством задача сократить площадь культивирования мака на 70% за четыре года (с 2004 по 2007 гг.) выглядела совершенно нереалистичной.

Предпринятые новыми афганскими властями, при поддержке внешних доноров и международных организаций, меры по борьбе с наркотиками стали, скорее, одним из факторов, оказавших влияние на изменение географии и характера наркопроизводства, которое стало менее сосредоточенным, но распространилось на новые районы и приобрело почти повсеместный характер. При этом меры по борьбе с наркотиками не оказали никакого эффекта на масштабы производства и торговли наркотиками в Афганистане и их дальнейший рост. Хотя конкретные меры по борьбе с наркотиками были необходимы и нуждались в систематизации и ужесточении, главной задачей оставалась ликвидация основанной на наркотиках экономики. В условиях, когда производство и незаконный оборот наркотиков, а также транзитная контрабандная торговля оставались теми немногими видами деятельности, которые приносили стабильный доход целым слоям населения, любые меры по борьбе с наркотиками могли иметь лишь минимальный эффект, а перед властями любого уровня постоянно стоял соблазн в той или иной мере подключиться к теневой экономической деятельности.

Недостаток и/или неэффективность иностранной и международной помощи на восстановление и развитие Афганистана могли усугубить ситуацию. С одной стороны, международная финансовая и социально-экономическая помощь Афганистану в постталибский период значительно возросла (напомним, что режим талибов был объектом международных санкций). Внешняя помощь стала наиболее значительным вливанием в легальную экономику и, наряду с сельскохозяйственным производством и добычей газа, основным экономическим ресурсом Афганистана. С другой стороны, иностранная и международная помощь по восстановлению и социально-экономическому развитию постталибского Афганистана имела далеко не однозначные и часто непредсказуемые последствия. Она стала одним из рычагом давления на те или иные политические силы внутри Афганистана, который активно использовался, в частности, в целях добиться признания

¹³⁸ См., например, INCSR–2003. – P. VII–5.

¹³⁹ INCSR–2004. – P. 243; INCSR–2003. – P. VII–5.

нового кабульского режима. При этом борьба за доступ к иностранной помощи сама по себе стала важной составляющей внутриафганской политической борьбы. Другим примером может служить восстановление за счет иностранной помощи систем ирригации и водораспределения, которое должно было помочь развитию сельскохозяйственного производства, но в ряде районов нередко становилось одним из факторов, способствовавших росту площадей опийного мака и объемов производства опия. Еще одним примером служили поставки в Афганистан международной продовольственной помощи: хотя в 2002 г. ее объем достиг 250 тыс. т, в страну продолжали везти в основном муку, а не семенной фонд, который позволил бы крестьянам хотя бы частично переключиться с опийного мака на возделывание других культур.

Что касается целевой иностранной помощи, выделяемой Афганистану на борьбу с наркотиками, то государства Европейского Союза, которые в основном и являлись конечными потребителями афганских опиатов, ограничились своим участием в борьбе с незаконным оборотом афганских опиатов финансированием через ООН соответствующих национальных программ их перехвата. Исключением стала Великобритания, которая возглавила усилия по оказанию помощи правительству Афганистана в борьбе с наркопроизводством внутри страны и формированию специального централизованного подразделения по искоренению посевов мака. Активность США в этой области в основном ограничилась «поддержкой лидирующей роли Великобритании»¹⁴⁰. Такая ограниченная роль США объяснялась, прежде всего, тем, что самим США наркотики афганского происхождения угрожали мало (например, в начале 2000-х гг. афганский героин составлял лишь около 5% всего героина, импортируемого в США)¹⁴¹. В этих условиях «косвенным» вкладом США в борьбу с наркотиками в Афганистане стало их участие в финансировании некоторых проектов в рамках общей программы восстановления Афганистана — например, по созданию альтернативных рабочих мест для афганцев в сфере строительства, ремонта базовой инфраструктуры, разминирования и т. п., а также по разработке регионального плана замещения культивирования опия, в основном за счет развития хлопководства и виноградарства¹⁴².

¹⁴⁰ INCSR—2003. — P. VII—7.

¹⁴¹ INCSR—2002. — P. VII—5. Некоторые исследователи, например М.Олкотт, настаивают на 10%: Olcott M.B. *Drugs, Terrorism, and Regional Security: The Risks from Afghanistan*. Testimony before the Subcomm. on Technology, Terrorism and Government Operations, Judiciary Comm., U.S. Senate. — Wash. D.C., 13 March 2002: <<http://www.ceip.org/files/news/OlcottTestimony031302.asp?from=newsnews>>.

¹⁴² В 2002 г. США предоставили 14 млн долл. на программу «Работа за наличную оплату», в рамках которой велись работы по восстановлению разрушенной инфраструктуры, особенно ирригационных систем (кяризов). INCSR—2003. — P. VII—5.

США также продолжали оказывать финансовую помощь в области контроля над наркотиками и другим странам региона, прежде всего Пакистану¹⁴³.

В целом, однако, международные доноры уделяли явно недостаточное внимание региональному аспекту проблемы наркотиков в Афганистане. Несмотря на то, что, например, Пакистану еще в 1990-е гг., под сильным нажимом со стороны США, удалось значительно сократить собственное производство наркотиков (уже в 1997 г. производство опиума в Пакистане упало до рекордно низкой отметки в 24 т), особого прогресса в борьбе с переработкой и торговлей наркотиками афганского происхождения на территории этой страны не наблюдалось ни в этот период, ни впоследствии. Особого упоминания в этой связи заслуживает специальный региональный план действий по координации традиционных (полицейских, пограничных, таможенных) мер борьбы с наркотиками афганского происхождения, принятый в сентябре 2000 г. Группой друзей и соседей Афганистана («Группой 6+2») под эгидой ООН.

Задача эффективного противостояния производству и незаконному обороту наркотиков в этом и других регионах не могла быть решена лишь за счет укрепления правоохранительной системы, пограничного контроля и других силовых и административно-полицейских мер. Ее решение требовало более широких усилий по выявлению основ и движущих сил региональной теневой экономики и создания условий для альтернативного варианта социально-экономического развития. Собственно, именно такой подход постепенно формировался в рамках ООН, которой принадлежала ведущая роль в координации международных восстановительных программ, связанных с сокращением производства наркотиков в Афганистане. Этот комплексный подход к противодействию производству и незаконному обороту наркотиков в Афганистане и в более широком регионе основан на поощрении альтернативных сельскохозяйственных культур и создании возможностей легального заработка в несельскохозяйственном секторе, которые позволили бы крестьянам отказаться от выращивания опиума.

Однако даже разработка адекватного международного подхода, нацеленного на создание альтернативы опиумной экономике, вряд ли могла принести плоды в условиях слабости и неэффективности афганского государства, не способного обеспечить даже минимальный уровень контроля над территорией страны (которого во второй половине 1990-х гг. удалось добиться талибам). Как показывает практика, какой бы масштабной и долгосрочной ни была международная или иностранная помощь в борьбе с наркотиками, ре-

---

¹⁴³ В 2001 г. на эти цели США предоставили Пакистану 3,47 млн долл. INCSR—2002. — Р. VII—26.

шающим фактором в успешной борьбе с наркотиками остается дееспособность национальных органов государственной власти. Поэтому прогресс в снижении остроты проблемы производства и незаконного оборота наркотиков в Афганистане в значительной мере зависит от эффективности усилий по укреплению афганского государства. В этом смысле внешнее вмешательство в ситуацию в Афганистане после свержения режима талибов носило противоречивый характер. С одной стороны, международное сообщество оказало значительную финансовую, техническую, военную и другую помощь центральному афганскому правительству, особенно в области государственного строительства. С другой стороны, и в начале 2000-х гг. иностранная помощь продолжала поступать напрямую местным и региональным лидерам, в том числе крупнейшим полевым командирам (в основном представлявшим антиталибские силы), способствуя укреплению их финансово-экономической независимости от центрального правительства и снижению их заинтересованности в сотрудничестве с ним.

***

Как показывает пример Афганистана, суть рассматриваемой нами проблемы не сводится лишь к теме, вынесенной в заглавие этой книги, т. е. к роли наркобизнеса в политэкономии многолетнего вооруженного конфликта — речь должна идти именно о взаимосвязи и взаимовлиянии между ними. С одной стороны, военно-политический конфликт в Афганистане стал одним из стимулов расширенного производства опиума как в прямом смысле (сборы с производства и торговли опиумом служили источником финансирования «экономики войны» и военных действий), так и благодаря дальнейшему ослаблению государственной власти и контроля, а также разрушительным последствиям вооруженного противостояния для экономики страны и ее населения. С другой стороны, опиумное производство стало одной из основ самовоспроизводящейся «экономики войны», тормозившей как процесс урегулирования конфликта, так и процесс формирования, восстановления и развития национальной легальной экономики. Таким образом, со временем создался замкнутый «порочный круг»: наркобизнес превращался в фактор затягивания конфликта и дальнейшего ослабления государственного контроля.

Хотя взаимосвязь вооруженного конфликта и наркобизнеса в Афганистане очевидна, она носит чрезвычайно сложный и противоречивый характер и выходит за рамки приведенной выше схемы. Пример Афганистана как нельзя лучше демонстрирует, что при «прочих равных» условиях вооруженный конфликт может сыграть важную роль в переходе на расширенное наркопроизводство, которое, в свою очередь, становится одной из ключевых

составляющих «экономики войны». Однако при этом следует учитывать, что «экономика войны» является не синонимом, а лишь частью более широкой теневой экономики, функции которой даже на этапе конфликта выходят за рамки финансирования вооруженных группировок. Основной функцией теневой экономики — вне зависимости от того, оперирует ли она в конфликтных или мирных условиях, — остается извлечение максимальной экономической прибыли незаконным путем.

В долгосрочном плане, региональная теневая экономика с центром в Афганистане, укрепившаяся за годы вооруженного конфликта, и особенно опийная экономика, основные прибыли которой аккумулировались за пределами страны, стала мощным препятствием на пути социально-экономического развития Афганистана. Однако в более краткосрочном плане развитие теневой экономики и опийного производства как одной из ее составных частей имело не столь однозначные последствия для населения конфликтной зоны. В условиях вооруженного конфликта и размывания грани между «легальной» и «нелегальной» экономикой теневая экономика играла роль мощного *адаптационного механизма*. Занятие тем или иным видом теневой экономической деятельности (например, возделывание опийного мака и производство опиума крестьянами) помогало частично смягчить разрушительные последствия вооруженного конфликта для целых слоев населения страны и в буквальном смысле становилось основной стратегией их экономического выживания в условиях конфликта и социально-экономического упадка. Помимо важной адаптационной функции для населения страны, расцвет теневой экономики на протяжении многолетнего конфликта в Афганистане парадоксальным образом нес в себе элементы своеобразной *«искаженной модернизации»*. Например, за счет роста трансграничной региональной торговли и коммерциализации опийного производства ряд сугубо периферийных и отсталых районов страны превратились в оживленные торговые и транспортные центры и получили новый импульс к развитию.

В условиях вооруженного конфликта теневая экономика носила многофункциональный и многоуровневый характер, состав ее участников был неоднородным, а их мотивации могли различаться. На разных уровнях теневой экономики часто доминировали разные игроки, движимые своими специфическими интересами. Полевые командиры, собиравшие налоги с урожая мака и торговли опиумом, нуждались прежде всего в средствах для оплаты поставок оружия и боеприпасов, содержания боевиков и ведения военных действий. В то же время для сельских производителей, особенно малоземельных и безземельных крестьян, выращивание мака стало стратегией экономического выживания и средством доступа к средствам производства (земле, воде для орошения, кредитов, инвентаря), а для владельцев более

крупных земельных участков, не говоря уже о местных и транзитных торговцах опиумом и хозяев лабораторий по переработке опиоидного сырья, производство и незаконный оборот наркотиков оставались прежде всего стабильным и прибыльным бизнесом.

Конечно, одни и те же игроки в сфере теневой экономики могли объединять в себе несколько функций: например, полевые командиры рассматривали теневую экономическую деятельность и как источник финансирования военных действий, и как прибыльный бизнес, используя его в целях личного обогащения. Тем не менее в Афганистане (в отличие, например, от Мьянмы) не наблюдалось полного слияния экономических и военно-политических элит в лице одних и тех же вооруженных группировок. Афганские теневые экономические элиты, в том числе корпорации транзитных торговцев контрабандой и наркоперевозчики, зависели от ключевых военно-политических игроков — лидеров вооруженных группировок — прежде всего потому, что сами не могли обеспечить собственную безопасность, и делились с ними своей прибылью. Однако это отнюдь не означало полного совпадения интересов ключевых экономических игроков с интересами непосредственных участников конфликта.

Теснее всего с «экономикой войны» были связаны, во-первых, сами полевые командиры, получавшие доход от теневой экономической деятельности (хотя и не обязательно принимавшие в ней непосредственное участие), а также так называемые околоконфликтные экономические игроки, которые наживались на военных действиях, паразитируя на войне (например, торговцы оружием). В отличие от этих игроков, не заинтересованных в прекращении конфликта, теневые экономические элиты, приспособившиеся к условиям вооруженного противостояния, совершенно не обязательно заинтересованы в продолжении вооруженного противостояния больше, чем в работе в более стабильных условиях. Такие теневые экономические игроки, включая наркопроизводителей и наркоторговцев, даже могут быть заинтересованы в прекращении широкомасштабного вооруженного противостояния в том случае, если улучшение условий безопасности позволит им сохранить или даже увеличить свою прибыль. Это частично объясняет, почему в условиях Афганистана наркобизнес, одним из стимулов к росту которого в 1980-е гг. послужили финансовые потребности вооруженного сопротивления центральному режиму и его последствия для экономики страны, продолжал развиваться и в начале XXI в. — на так называемом «постконфликтном» этапе.

Таким образом, при всей важности вооруженного конфликта как фактора стимулирования теневой экономики в целом и наркобизнеса в частности, рост производства опиума в Афганистане был обусловлен не только влиянием

вооруженного конфликта. Более того, наркобизнес и теневая экономика прекрасно развивались и в постталибский период, когда значение наркобизнеса как средства финансирования вооруженных группировок снизилось, но его роль как стратегии выживания крестьян в определенных социально-экономических условиях сохранилась, а его классическая функция высокодоходного теневого бизнеса вообще вышла на первый план. В таких условиях решающим политэкономическим фактором, сковывающим или, напротив, облегчающим развитие наркобизнеса, становится не столько уровень вооруженного противостояния, сколько *степень эффективности государственной власти*. Это позволяет нам предположить, что и в более широком плане вооруженное противостояние влияет на развитие наркобизнеса не столько напрямую, сколько опосредованно — в той мере, в которой оно способствует ослаблению и препятствует стабилизации государственной власти, остающейся главным инструментом борьбы с наркотиками.